КРОКОДИЛ

ISSN 0130-2671

№1 ЯНВАРЬ 1991

ЗОЩЕНКО И ПЕРЕСТРОЙКА

Шарж КУКРЫНИКСЫ.

«Нынче открывается новая страница истории...

И что из этого будет и получится, лично нам пока в полной мере и до конца не известно.

Однако мы думаем, что ничего плохого, кроме хорошего, не произойдет. И, быть может, счастье еще озарит нашу горестную жизнь».

«Мы... увидели в прошлом большой урожай на неудачи.

А потом мы увидели, что этот урожай снимается по многочисленным причинам, из которых глупость и темнота не плетутся в хвосте.

И мы отчасти заметили, что неудачи — законное дитя, рожденное от бракосочетания этих причин с торопливым желанием хорошо пожить».

Шарж Бор. ЕФИМОВА.

«Читатель пошел какой-то отчаянный... Ему, видите ли, в книге охота увидеть этакий стремительный полет фантазии, этакий сюжет, черт знает какой.

А где же все это взять?

Где взять этот стремительный полет фантазии, если российская действительность не такая?..

Вот выйдешь, например, в поле, за город... Домишко какой-то за городом. Забор. Скучный такой. Коровенка стоит этакая скучная до слез... Бок в навозе у ней... Хвостом треплет... Жует... Баба этакая в сером трикотажном платке сидит. Делает что-то руками. Петух ходит. Кругом бедно, грязно, некультурно...

А вы говорите: подайте стремительность фантазии.

Эх, господа, господа-товарищи! Да откуда ее взять?.. И рады бы, так сказать, раздуть кадило, да не с чего».

Шарж Б. МАЛАХОВСКОГО.

«Конечно, старый человек не всегда может попасть в ногу с новой жизнью.

... Вот этот старческий материал вообще, надо честно сказать, как-то слабо разбирается в современных течениях. Перед ихними старческими глазами какие-то, что ли, круги плавают, или мошки, или пес их знает что, но только им как бы не до того. Они не слишком задумываются о грядущих судьбах человечества.

...Вообще надо сказать, что... они... зачастую решительно отказываются перестраиваться и буквально не хотят хотя бы слегка, что ли, изменить свою закостенелую психику. Они знай себе гнут то, что было раньше, и не понимают то, что есть, и то, чего решительно не может быть».

Шарж И. ИГИНА.

ШАРЖИ 30-х — 50-х ГОДОВ.

См. стр. 8—9.

КРОКОДИЛ

№ 1 (2695)
январь 1991

ИЗДАЕТСЯ
С ИЮНЯ
1922 ГОДА

Учредители:
трудовой коллектив редакции журнала «Крокодил» и издательство ЦК КПСС «Правда».

Главный редактор
А. С. ПЬЯНОВ.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Ю. Б. БОРИН,
В. Г. ДЕМИН,
О. М. ДМИТРИЕВ,
Б. Е. ЕФИМОВ,
М. Г. КАЗОВСКИЙ,
Р. Т. КИРЕЕВ,
В. Г. ПОБЕДОНОСЦЕВ (ответственный секретарь),
Э. И. ПОЛЯНСКИЙ,
В. И. СВИРИДОВ (первый зам. главного редактора),
С. С. СПАССКИЙ (главный художник),
А. А. СУКОНЦЕВ,
А. И. ХОДАНОВ (зам. главного редактора).

Технический редактор
Л. И. КУРЛЫКОВА.

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ
ТРИ РАЗА В МЕСЯЦ

Редакция не рецензирует присланные литературные и изобразительные материалы. Рукописи объемом меньше 2 печатных листов не возвращаются.

НАШ АДРЕС: 101455, ГСП-4, Москва, Бумажный проезд, д. 14.

ТЕЛЕФОНЫ ОТДЕЛОВ:
экономики — 250-46-68,
морали и права — 250-16-63,
литературы — 250-09-70,
писем — 212-15-47,
международного — 250-45-78,
художественного — 212-30-00.
Приемная — 250-10-86.

Сдано в набор 29.11.90.
Подписано к печати 06.12.90.
Формат бумаги 70×108⅛.
Бумага офсетная.
Офсетная печать.
Усл. печ. л. 2,80.
Усл. кр.-отт. 11,20.
Уч.-изд. л. 4,54.
Тираж 2765000 экз.
(1-й завод: 1—2215000).
Зак. № 3121.
Цена 75 коп.

Отпечатано в типографии «Уральский рабочий»
г. Свердловск, просп. Ленина, 49
Тираж 2 765 000 экз.
(3 завод 2 415 001—2 765 000).
Зак. 1827.

© Издательство ЦК КПСС «Правда».
«Крокодил». 1991.

Юрий СОЛОМИН: «КУЛЬТУРА И СЕЙЧАС ПОМОЖЕТ НАМ ВЫЖИТЬ»

— Юрий Мефодьевич, Крокодил приносит вам свои несколько запоздалые, но оттого не менее искренние поздравления с назначением на пост министра культуры РСФСР...

— Спасибо. Я с удовольствием вас читаю — единственный, пожалуй, журнал, которому я верю,— это «Крокодил».

— В старину министров называли, как известно, «ваше превосходительство», и нам хотелось бы узнать, как налаживаются у вас отношения с вашими «адъютантами», сиречь с аппаратом.

— Ну, как меня здесь приняли — об этом вам самим надо бы поспрашивать, заходя во все кабинеты... Сам я себя чувствую пока нормально.

— В должности министра вы еще очень недолго, но, вероятно, уже могли определить, что вас за этот срок больше всего обнадежило, а что, наоборот, привело в крайнее уныние?

— Знаете ли, вот что меня обрадовало больше всего: я не ожидал, что окажусь таким сильным, что не «сломаюсь» под бюрократическим грузом. Мне казалось, что я гораздо слабее. Так что пока я еще ни разу не пришел в уныние. Впрочем, особенно восторгаться пока тоже не от чего...

— Успели ли вы ощутить предел ваших возможностей?

— Да, были моменты, когда понимаешь — вот стена, которую пробить невозможно. Но говорить об этом подробно — значит называть фамилии людей, занимающих посты. Я не хочу этого делать, и вовсе не потому, что боюсь кого-либо. Я понимаю, что это сейчас очень модно — требовать: «Нет, вы назовите поименно!» Я никогда никого не боялся и в свое время называл фамилии. В тех коллективах, где я работал, об этом прекрасно помнят. Но сейчас это было бы, скажем так, не по-государственному. А кроме того, есть люди, которые напряженно ждут моего срыва, ждут, что я начну публично жаловаться, клеймить. Кажется, они уже начинают травлю... Мне не хочется называть имена и способствовать этим самым их популярности, тиражируя в столь читаемом журнале, как «Крокодил».

— Раньше говорили, что настоящие режиссеры умирают в актерах. Нынче актеры стали умирать в министрах. Как отнеслись в Малом театре к вашему назначению?

— Кто-то, вероятно, жалеет, а кто-то и рад, что я реже бываю в театре. Но я не представляю себя без Малого и по-прежнему отдаю ему силы и время. Мне хотелось бы все же закончить свою карьеру в театре, а не в министерстве.

— Пока мы касались все больше «столичных» материй... Юрий Мефодьевич, вам как министру предстоят бесконечные поездки по нашим малым городам, где вы будете сталкиваться с одной и той же картиной: протекающие потолки библиотек, рушащиеся стены музеев, скудость средств, расходуемых на культуру. В какой степени вы способны повлиять на такую повсеместно удручающую ситуацию?

— Я надеюсь, что будущее российское законодательство, в разработке которого есть и мой труд, позволит наконец победить непонимание, которым страдает значительный круг людей, роли культуры и искусства в нашей жизни. Наш народ ведь очень любит искусство, но, к несчастью, культура слишком долго находилась, так сказать, на официальных задворках. Да, культуру иногда приглашали за праздничный стол, называли иногда уважительно на «Вы», одобряюще похлопывали по плечу, как-то подкармливали, но все равно это были задворки, в целом отношение было примерно таким: «А ну, впустите-ка к нам скоморохов, пусть они спляшут, а заодно уж и у стола посидят». И все же я уверен, что культура помогла народу выжить в самые трудные годы. Она и сейчас поможет нам.

— Года полтора назад разгорелась большая дискуссия на тему «Нужно ли нам министерство культуры?». Имелось в виду в основном союзное министерство; но пришел Николай Губенко — все облегченно вздохнули и перестали требовать ликвидации. Похоже, чтобы спасти любое министерство, достаточно во главе его поставить популярного человека. И все же, Юрий Мефодьевич, как вы сами, министр, обосновываете необходимость существования своего министерства?

— Разговоры о ликвидации зашли лишь потому, что всю жизнь наши министры культуры были некомпетентными людьми. Видите ли, так или иначе необходим какой-либо единый координирующий центр, тем более в нашей большой стране или республике, который бы занимался проблемами культуры. А уж как называть его — министерство ли, совет, комитет, комиссия... Все равно должны быть какие-либо структуры, они существуют во всех цивилизованных странах.

— Способны ли вы, ваше министерство, контролировать или координировать деятельность многочисленных областных и районных отделов культуры?

— Нет. Пока — нет, хотя к этому надо стремиться. Это, пожалуй, самое больное место. Создание очагов подлинной культурной жизни в областях, в небольших городах — это тот фундамент, на котором должна основываться вся наша культура.

— Последний наш вопрос вызван тем, что огромное количество вполне справедливых жалоб у местной творческой интеллигенции вызывала и вызывает именно деятельность местных «губернаторов по культурным вопросам». Слишком часто ими оказываются отставные, несостоявшиеся партийные и государственные чиновники, которых вместо пенсии или отставки спихнули «на культуру».

— Да, не хватает компетентных людей. Мне подчас приходится вмешиваться в решение каких-то совершенно мизерных, сугубо местных проблем... А иногда я узнаю, что

См. стр. 6

ПЛЮРАЛИЗМ ПО-МИНИСТЕРСКИ

Мощь плюрализма нарастает...
Вот вам вполне типичный штрих:
Один министр стихи читает,
Другой налогом душит их.

П. САНИН.

Рисунок В. МОЧАЛОВА.

Владимир КОНСТАНТИНОВ,
Борис РАЦЕР

АМЕРИКА — РОССИИ...

«Америка России
Подарила пароход...» —
Эту песню в дни былые
Пел частенько наш народ.
Времена пришли иные —
Перестройка, хозрасчет,
И Америка России
Подарила... бутерброд.
Ну не то чтоб подарила,—
(Добрых нет теперь, увы!)
Бутербродную открыла
В центре матушки Москвы.
Бутерброды — загляденье,
В них и завтрак, и обед...
Как-то в это заведенье
Пригласил бабусю дед.
И заморских яств отведав,
Так сказать, в избытке чувств,
Вдруг шепнула бабка деду:
«Я в Америку хочу!»
— Не одной тебе охота,
Многих тянет в Новый Свет,
Только у Аэрофлота
Самолетов лишних нет.
Люди вылететь не могут,
Месяцами спят у касс!
— Ну, а мы попросим Бога,
Может, он услышит нас?
Две свечи зажгу большие
И поставлю на комод,
Чтоб Америка России
Подарила самолет!

Продолжение на стр. 6

И В «КРОКОДИЛЕ» ЕСТЬ ГЕРОИ!

Бор. Ефимову

Теперь мы знаем:
В этом мире
Героем стать
Довольно просто —
Всю жизнь свою
Служи сатире
И доживи до девяноста.

Сердечно поздравляем нашего бессменного члена редколлегии с присвоением ему звания Героя Социалистического Труда!

Подробности на стр. 7.

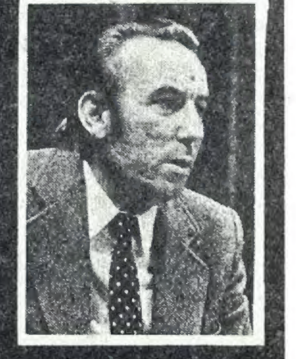

«Секс у нас есть!!!» — смеем мы утверждать. А на чем зиждется столь категоричное и смелое заявление, вы узнаете, прочтя стр. 13.

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

ВОЛКИ И КОЗЫ

Вступая в 1991-й

По традиции в эти дни мы подводим итоги года минувшего и намечаем планы на будущий. Но нынче, прежде чем отдать дань отнюдь не нашей доморощенной, а общечеловеческой традиции, скажем спасибо нашим верным друзьям, нашим подписчикам, которые не бросили журнал в трудное и для него, и для них время, осилили двадцатисемирублевый барьер, который вырос на пути читателя к своему журналу по воле пресловутых «министерств и ведомств», продолжающих править бал.

Знаем, как трудно было выкроить эту сумму из скудной зарплаты, нищенской пенсии, символической стипендии. Знаем, от чего вы отрывали трудовые рубли, чтобы не расстаться с нами. И потому наша благодарность вам искренна и глубока. Мы постараемся не обмануть ваших ожиданий, приложим все силы к тому, чтобы в будущем году опустить подписочную планку до нормальной высоты, которую смогут осилить все, кто прежде дружил с «Крокодилом».

Вздорожание подписки на периодику было, увы, не единственным и не главным огорчением прошедшего года. Кризис во всех сферах нашей жизни стал еще острее. Каждый из нас ощутил это на себе, выстаивая бесконечные очереди к полупустым прилавкам. Из покупателей мы превратились в «визитеров», осчастливленных этакими изящными карточками, которые враз поделили нас на «своих» и «чужих» в родной стране. Снова всплыло почти забытое слово «пайка», отдающее войной и неволей.

А в парламентах наших вовсю грохотали дискуссии. По любому поводу. На высоком накале. Переходить к рынку или погодить? Отступаем мы от социализма или пытаемся приблизиться к нему? Повышать цены или реформировать финансы? Валить правительство или поддерживать?

Внимая этим безразмерным дебатам, мы вконец ошалели от обилия программ, вариантов и схем. Нам стали сниться не любимые девушки или близкие родственники, а Рыжков с Абалкиным, Шаталин с Явлинским, Аганбегян с Петраковым. И это были тревожные сны на тему грядущего рынка, которым «правые» пугают, а «левые» вдохновляют. Как за единственный якорь, держимся мы за тандем Горбачев — Ельцин, надеясь на их мудрость и ответственность перед нами, перед страной, перед историей. Но бушующие междоусобицы, распри, свары, не останови их здравый смысл, могут сорвать и этот якорь...

Не принес нам ушедший год облегчения и в межнациональных отношениях. Горячих точек стало больше, пламя — яростнее и беспощадней. Оно грозит охватить весь наш пока еще общий дом. Да, он оказался неуютным. Но ведь это вовсе не значит, что его надо рушить до основанья. Мы уже рушили. Потом строили. Теперь пришло время перестраивать. Прорубать широкие окна, поднимать потолки. Но не крушить, не жечь, не громить. Поймем ли это? Сумеем ли остановиться у той последней черты, за которой хаос, развал?

Должны понять! Ибо ведь это благодаря нашей стране, ее лидеру, благодаря новому мышлению в мире стало теплее. Теперь бы еще обогреть, благоустроить, обставить собственный дом, не упираясь лбом в идеологические догмы, которыми, как истово им ни молись, страну не накормить, распри не унять, людей счастливыми не сделать.

Да, невеселым был год Лошади. И все-таки он не лишил нас главного — надежды. Мы сохранили ее, как драгоценное зернышко, из которого должно же наконец вырасти нечто достойное нас! Должно, если мы будем поливать его не кровью, а потом трудовым. Если обретем наконец согласие, единство и доброту. А это не дается Указом Президента. Только мы сами, осознав всю меру собственной ответственности за день нынешний и будущий, можем добиться этого.

Вступаем в год Козы...

Что сулит он нам? Опять успокоительные речи? Сколько уже слышали мы их с разных трибун, кафедр и подмостков! Сколько мудрых, впечатляющих слов! Но вслед за этим сладкоголосием зачастую раздавался знакомый лязг крепких клыков. А потом вроде бы и вне всякой связи с ним пропадал в лавках хлеб. Вспыхивали табачные бунты. Давили людей в винных очередях. И водопады проклятий обрушивались на головы «этих перестройщиков»...

Кто за всем этим? Да они же, они — волки в овечьей шкуре, которым перестройка отказала в мясной диете. А это делает их особенно агрессивными. Так что нам с вами нельзя расслабляться. Нельзя быть смирными козочками, довольствующимися тем, что, остригая шерсть, хоть шкуру не трогают. Будем смирно щипать травку — доберутся и до шкуры.

По восточным поверьям, год Козы — хороший год. Таким его делали люди. Давайте же поднапряжемся! Давайте сплотимся, но не в стадо, не в толпу, а в крепкую работящую артель. Чтобы год Козы не превратился в год Волка. Другого выбора у нас просто нет.

Крокодил всегда был оптимистом. И не только потому, что в его лапах — острые вилы. Разгребая «окаменевшее дерьмо», он всегда верил в человека, его доброту, юмор, улыбку. Ни козам, ни волкам этого не дано. Будем же всегда и во всем людьми. Будем надеяться. Будем работать для осуществления наших надежд.

С Новым годом, дорогие друзья!

— Пофехтуем? — ничтоже сумняшеся предложил Крокодил знаменитому микрохирургу Святославу Федорову.

— С бухты-барахты? — уточнил член-корр.— На стилетах, ятаганах, палашах?

— На остротах.

— Пешим порядком или конным? — лукаво намекнул доктор на свое, лошадиное, поле.

— Кресельным,— увернулся от намека Крокодил.— Но зато в «Фехтовальном зале». Пройдемте — вас там ждут!..

А теперь, досточтимый читатель, пока соперники готовятся к поединку, коротко объяснимся. Судя по почте, вы до сих пор поминаете добрым словом нашу рубрику «Citius!». Это была фешенебельная рубрика, и в круг приглашаемых ею входили сплошные знаменитости: академики, писатели, артисты, режиссеры, публицисты, политики... С их помощью Крокодил делал глубинные температурные замеры в повсеместно бурлящих политических, социальных, экономических, культурных и прочих процессах. Это была серьезная рубрика — формально на две трети (ибо последний из трех задаваемых собеседнику вопросов вторгался в епархию смеха), а фактически на девять десятых. С одной стороны, сие превосходно и даже радостно, но с другой — хоть и радостно, да не смешно. Вернее, малосмешно.

А нельзя ли сделать так, задался Крокодил вопросом, чтобы было многосмешно? Нельзя ли, сохранив прежний круг «избранных», а попросту уважаемых и интересных читателю людей, резко повысить процентное содержание юмора наших встреч на журнальной полосе? И тем самым сделать их и познавательными, и жизнепродлевающими — ведь смех, как установлено, увеличивает нам время пребывания на этом свете.

Вознамерившись ответить утвердительно на возникшие вопросы, Крокодил решил не сковывать движения потенциальных дуэлянтов тематическими путами: захотят — пусть фехтуют по серьезному поводу, захотят — по пустячному. Главное — фехтовать озорно, весело, динамично и коротко. Конечно, и среди знаменитостей бретеров с такими качествами не пруд пруди — их еще надо сыскать. Но попробуем...

Чу! Из «Фехтовального зала» уже доносится серебристый перезвон скрестившихся искрометных реплик.

Войдем же неслышно...

Святослав ФЕДОРОВ:

«ВОТ БЫ ИЗЛЕЧИТЬ ВСЕХ ДОГМАТИКОВ!»

— Святослав Николаевич, вы за большевиков или за коммунистов?

— Я за большевиков. Они хотели отдать землю крестьянам, а фабрики — рабочим, но, видно, впопыхах забыли это сделать.

— Как вы думаете, какие очереди будут зимой длиннее — к прилавкам или к микрофонам?

— Длиннее — к прилавкам. Ведь на голодный желудок, пока микрофона дождешься,— ноги протянешь.

— Мы знаем: так жить нельзя! Но ведь живем, и очень давно. Стало быть, можно?

— Можно тому, кому не противно и не стыдно. Таких все меньше.

— Если бы удалось применить ваш конвейерный метод операций для удаления общественных пороков, что бы вы стали вырезать в первую очередь?

— Не вырезать, а пересаживать передние доли левого и правого полушарий мозга. В целях тотального излечения догматиков...

— Не пора ли, на ваш взгляд, послать группу колхозно-совхозных лидеров на Оклахомщину для дальнейшего укрепления тамошнего сельского хозяйства?

— Хорошая идея. Имеет прямое отношение к конверсии. Ведь это эффективней, чем все наши ракеты, вместе взятые.

— У вас почти частное предприятие. По логике «стражей марксизма», вы пьете кровь трудовых людей. А они к вам на работу просятся. Они что, доноры, что ли?

— Что вы, они просто поверили, что можно построить подлинный, по Марксу, социализм на одном, отдельно взятом предприятии: иметь свои орудия производства, самим честно распределять свою прибыль. И демонстрируют образцы подлинного социализма в этой пока антисоциалистической стране.

— Как вы относитесь к идее пустить «шапку по кругу» и дать одну, но о-о-очень большую взятку всей нашей бюрократической системе, чтобы она наконец отступилась от власти?

— Блестящая мысль. Я как раз хочу весь институт выкупить, хотя он фактически уже принадлежит мне и всем моим сотрудникам. Ведь еще Маркс делился с Энгельсом идеей, мол, надо дать этой банде помещиков крупные деньги за землю, и тогда наступит социализм.

Беседу вел Г. СИМАНОВИЧ.

Депутаты Думы:

«ДАВАЙТЕ ЖИТЬ ДРУЖНО...»

Увы, сегодня этот призыв вызывает больше скептических ухмылок, нежели сочувствия. Однако миротворческие монологи не уставали повторять и депутаты I и II Государственной думы России — в 1906 и 1907 годах соответственно. Атмосфера нетерпимости и социального неустройства заботила российских парламентариев еще восемьдесят с лишним лет назад.

Созерцая тогдашнее состояние общества, депутат от Вятской губернии Ефремов на заседании Думы 9 апреля 1907 года с грустью констатировал: «...страна голодает, страна находится в каком-то бюрократическом угаре и мечется во все стороны...» С ним был солидарен депутат от Подольской губернии Лисовский. «...все общество, несмотря на всеобщий подъем духа, живет ненормальной жизнью, оно объято сильным пагубным неврозом»,— заметил он, предварительно оговорив, что исходит «из точки зрения не партийной, а гуманитарной, общечеловеческой».

На фоне таких выступлений не боялся выглядеть прекраснодушным мечтателем депутат Капустин из Казани: «Господа, не пора ли нам, как людям, давно уже жившим в идеях свободы, получившим вместе с образованием уважение к человеческой личности, не только по идее христианской, но и по принципам свободы XVIII века, осудить всякое пролитие крови?» Иначе же, был уверен оренбургский депутат Седельников, «при отсутствии у нас мало-мальски заметных зачатков культуры, при отсутствии у нас всякого правосознания народных масс, при привычке быть избиваемыми в течение 1000 лет, когда произойдет то, что центр лопнет и громадный механизм государства потеряет центр тяжести, когда каждая отдельная часть его будет действовать за свой страх и риск, получится такое море крови, такая анархия, о которой страшно подумать».

Надежда на правительственный разум не покидала таких депутатов, как граф Гейден (Псковская губерния): «Время придет, более справедливые начала проникнут в общество, и я думаю, что человеческая личность будет гораздо более ограждена, если мы пойдем спокойным правовым порядком. Нам все говорят, что нужно искать опоры в народе — это значит искать, чтобы волна снизу нас подняла. Я стою на другой почве и полагаю, что скорее волна разума, справедливости и права должна идти сверху...».

История показывает, что социальные катаклизмы в нашей стране всегда связаны с национальными проблемами. Слово депутату от Санкт-Петербурга Винаверу: «Я как еврей прямо заявляю, что судьба 6 миллионов наших собратьев связана с судьбой не только одного русского народа, а всех народов, которые живут в России. Подумайте об исходе, оставьте эти древние фараоновские приемы*. Смотрите, как сильна еврейская эмиграция: в одно трехлетие 400 тысяч евреев эмигрировали в Америку. И «глупая» Америка принимает этих эмигрантов. и «глупая» Америка ничего не имеет против них, потому что все сильное, все энергичное, все молодое отправляется туда...» Зато речь депутата от Сувалкской губернии Леонаса может послужить образцом взаимопонимания жителей России и Прибалтики: «Я представитель от Сувалкской губернии, а именно от литовской народности... Мы очень глубоко благодарны депутату Дмовскому за его указания на расшатанность общественной жизни в Литве, мы глубоко сознаем необходимость восстановления этой общественной жизни у нас, но вместе с тем мы отлично понимаем, что то, что было причинено нам раньше, во имя русского народа, все те тяжелые раны, которые были нам нанесены, мы будем в состоянии залечить с помощью того же русского народа, который берет устройство своей судьбы в свои руки и который оставил путь насилия и человеконенавистничества и стал на путь свободы, равенства, братства и социальной справедливости. Вместе с вами, господа, мы надеемся скорее залечить нанесенные нам тяжелые раны и вернуть наш народный организм к здоровью и жизнеспособности».

Что же касается путей стабилизации общества, то в начале века депутаты имели весьма здравую точку зрения. Саратовский депутат Хворостухин считал, что «благодаря экономической свободе наступит возможность жить народу, а если народ будет экономически голодать, то каких бы свобод мы ни добились, без экономической свободы трудно существовать...»

Вполне определенно высказывался представитель православного духовенства священник Вятской губернии депутат Тихвинский: «От крестьянского труда живет сановник, от крестьянского труда живет чиновник, священник, купец и ученый; всех кормит, всех содержит крестьянство; никому оно не отказало, никого не изобидело и впредь никого не изобидит. Дайте ему землю, дайте ему дышать, дайте жить, и мирное развитие государства будет обеспечено».

* Упрек адресован правительству после инспирированного властями погрома в г. Белостоке.

Думских депутатов приглашал к микрофону Рэм ПЕТРОВ.

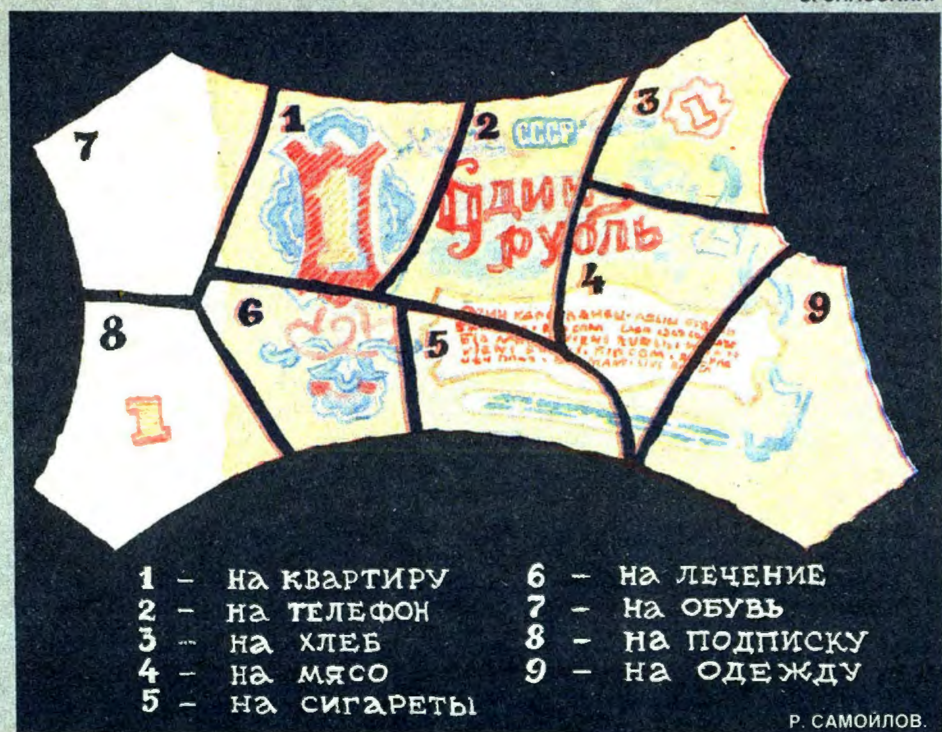
— Оказывается, не год Козы, а год Козла наступил...

С. СПАССКИЙ.

В. МОХОВ.

Г. ОГОРОДНИКОВ, В. ЛУГОВКИН (тема).

Р. САМОЙЛОВ.

Со стр. 3 ▶

в таком-то местном органе власти просто ликвидируются структуры, которые как-то были заняты помощью культуре,— и это не из-за того, что развитию искусств там предоставлена полная свобода, а из-за нежелания уделять самое минимальное внимание, заботиться о культуре. И за это, увы, голосуют депутаты тамошних Советов...

— Когда я недавно пришел в вашу приемную, то увидел, что вы встречаетесь с представителями одной крупной коммерческой фирмы. Вы, вероятно, не относитесь к тем людям, которые считают, что рыночные отношения убьют культуру?

— Нет, рынок не погубит культуру, если действовать разумно, благородно и честно. Я никогда не занимался раньше бизнесом, всегда был крайне далек от этого, но сейчас я даже получаю определенное удовольствие от разумной коммерческой деятельности. Это ново для меня — и интересно...

— Известнейшие русские меценаты — Морозов, Мамонтов, Щукин, Третьяков были своего рода «классиками рыночной экономики», а скольким обязано им отечественное искусство! И очень жаль, что нынешнее меценатство — это пока только спонсорство конкурсов красоты, КВН и других телешоу...

— Главное — несовершенство законов. Эту ошибку предстоит исправить. В сентябре на встрече с Президентом об этом говорили очень многие деятели культуры, просили издать специальный президентский Указ, который бы приостановил действие тех законов, которые сдерживают развитие культуры. В основном это касается налоговой политики. Нельзя взваливать налоговое бремя на музеи, театры, библиотеки; кроме того, во всем мире уменьшают налоги тем, кто жертвует средства на культурные цели.

— Юрий Мефодьевич, если не секрет, как относятся ваши родные к тому, что вы стали министром?

— По-разному... Жена поняла меня, она очень помогает мне. Дети довольно скептически настроены. А мама была против с самого начала, она сказала: «Это живая смерть»...

— А ваш брат?

— Честно говоря — не знаю. Мы не говорили на эту тему... Вы знаете, меня иногда спрашивают: что заставило согласиться стать министром? Недоброжелатели ищут, конечно, корысть. А какую? Деньги? Я потерял в заработках. Популярность? Она у меня давно есть, многих даже раздражает... Поездки за границу? Раньше я ездил чаще — на съемки, на гастроли. И, кстати, вот что интересно — недавно я с Малым театром поехал в очередной раз в гости к одному из немецких театров, с которым мы давно дружим. Но тут мне уже пришлось поехать в «ранге министра». И, представьте, все было испорчено — официозом, несвободой отношений.

— Часто ли к вам приходят знакомые, коллеги с просьбами помочь вашей «министерской силой»?

— За эти два месяца я почувствовал, насколько деликатны и благородны все мои друзья. Никто не пришел чего-то просить у меня. Только искренне поздравляют, и почти никто, слава богу, не сочувствует. Знаете, это так иногда принято поздравлять: мол, мы вам сочувствуем, такое бремя!... Но я ведь сам сказал «да», знал, на что соглашался.

— И наконец, Юрий Мефодьевич, что бы вы пожелали нашим читателям в новом году?

— Как всегда принято желать — успехов, счастья и еще сил и здоровья. А, кроме того, пользуясь страницами журнала, который все мы любим с детства, я хочу обратиться ко всем читателям: я один ничего не смогу сделать. Мне нужна ваша помощь. И даже если кто-то всего лишь напишет мне о том, что происходит — хорошего или плохого — в том городе, в том районе, где он живет, как живет там искусство и культура, я буду очень рад. Я понял, что мне необходимо сопоставлять по крайней мере два мнения: то, что мне докладывают, и то, что мне говорят или пишут люди из разных уголков России. Я заранее говорю спасибо за помощь и оставляю адрес: Москва, Китайский проезд, 7, Юрию Соломину...

Гостил у министра
Рэм ПЕТРОВ.

Владимир КОНСТАНТИНОВ,
Борис РАЦЕР

НЕ ХОДИЛ БЫ ТЫ, СЫНОК!

(новая песня на старый мотив)

Депутат от сельских мест
Ваня Платов
Уезжал в Москву на Съезд
Депутатов.
Не дошла еще семья
До вокзала,
Как мамаша в три ручья
Зарыдала:
«Ждет тебя нелегкий труд,
Бедный Ваня —
Там по месяцу идут
Заседанья.
Голосуют раз по пять
Врозь и хором,
Потому как не набрать
Нужный кворум.
Пообедать не дадут
Тебе, Ваня,
Там у входа турки ждут
И армяне.
Будут вам права качать,
Не иначе —
Где уж тут обед начать
(Или нáчать?).
А ведь ты не Полозков
И не Язов,
У тебя уж пять годков
Ноет язва.
Нужен мед тебе, творог
И салаты —
Не ходил бы ты, Ванек,
В депутаты!
А на Съезде смельчаки,
Чай, найдутся,
Без тебя там Собчаки
Обойдутся!»

СЛУХ ИДЕТ...

Каких сегодня партий только нету,
Их все не перечислишь и за час —
Эсеры, монархисты и кадеты
И даже есть «зеленые» у нас.
Но слух идет, что этою зимою,
Как говорили люди в старину,
«Единою и дружною семьею»
Мы все вольемся в партию одну.
Не знаем мы, какими будут взносы
И кто в ЦК той партии войдет,
Но только нет сомнений
и вопросов,
Что «синей» назовет ее народ.
Когда зимой на стенках будет иней,
Ну а в мясных не сыщешь и костей,
Тогда объединит она всех синих
От холода и голода людей...

НОВЫЙ ПОЧИН

Новый наш министр культуры
Неплохим артистом был,
Но, войдя в номенклатуру,
Ремесла не позабыл.
В министерстве спозаранку
Совещание ведет,
А под вечер на Таганку
Он спектакль играть идет,
Становясь опять артистом,
Несмотря на важный чин...
Хорошо б иным министрам
Подхватить такой почин.
Например, тому, кто главный
По добыче уголька —
Написав отчет заздравный
Для Совмина и ЦК,
Коллектив призвав к работе,
Дверь захлопнуть за собой
И на личном самолете
В Воркуту, а там — в забой!
Позабыв о том, что «шишка»,
С рядовыми наравне,
Семь часов без передышки
Уголек давать стране,
А потом еще в столовке
Съесть похлебку из перловки,
Где лишь перец да вода —
Вот тогда про забастовки
Мы б забыли навсегда!

ДНЕМ С ОГНЕМ

Возвратясь на днях из Сан-Франциско,
Где он навещал сестру свою,
Наш сосед собрал друзей и близких
И за рюмкой импортного виски
Дал, как говорится, интервью.
От вопросов не было отбоя:
Правда ли, что там кафе любое
Дверь не закрывает до утра,
Видел ли он сам живых ковбоев
И почем там русская икра,
Ел ли устриц в натуральном виде,
Насмотрелся ль порнофильмов всласть...
— Что там порно — я такое видел!..
Тут супруга краской залилась:
— Что же ты увидел там такого?!.
— То, что не увидишь здесь, увы:
Аллу Пугачеву, Спивакова
Вместе с «Виртуозами Москвы»,
Там Хазанов, Пьеха и Жванецкий,
Марк Захаров и его Ленком,
Все ансамбли Армии Советской
И балет Большого целиком,
Зайцев со своим «Театром моды»,
Куклачев там с кошкою вдвоем,
В общем, те, кого по два-три года
Мы уже не видели живьем.
Здесь и днем с огнем их не отыщешь —
Все — за пограничной полосой!
Ох боюсь, что и с духовной пищей
Скоро будет так, как с колбасой!..

г. Ленинград.

Медицина льготная и никуда не годная

Ю. КАЗАНЦЕВ, специальный корреспондент Крокодила

С БАРСКОГО ПЛЕЧА

Увы, дорогой читатель, увы! Перебрал целый ряд наифанфарнейших слов, а все было тщетным, все выходило блекло. И я признаю свое бессилие, и всякий бы признал, тужась выписать радость и ликование, охватившие инвалидов Отечественной войны, афганской, уж не знаю как и назвать, экспедиции, что ли, когда на них обрушилось это известие: согласно решению правительственной комиссии по привилегиям, столичная поликлиника № 2, существовавшая под флагом Четвертого главного медицинского управления Минздрава СССР, отныне передана столичным инвалидам и ветеранам войны! Кстати сказать, не только инвалиды — всякий, пусть и отчаянно здоровый, был бы на седьмом небе, сподобилось бы встать сюда на учет. Диво это дивное, дворец здоровья, а не поликлиника! Четырнадцать белокаменных этажей по самый чердак набиты импортной запредельного качества диагностической, рентгеновской, лазерной и прочей мудрятиной. Несказанная чистота. Сплошь ковровые дорожки. Стульев нет, приходится обходиться креслами и диванами. Коридоры просматриваются видеокамерами (вдруг у пациента утрата сознания — мигом прилетит помощь). На стенах — картины, и, разумеется, никакой копиистики — все оригиналы немалой стоимости. А на картинах, конечно, не индустриальные пейзажи в разноцветных дымах, а спокойные утешительные дали. С большим же человеческим участием и теплом развешана по этажам и такая проза, как телефоны-автоматы. В рядовой поликлинике аппарат (если он, естественно, есть вообще) обязательно присобачат черт-те на какой высоте, а тут на уровне креслица — вот так обстоит с пониманием того факта, что больным людям удобнее вести телефонные переговоры сидя. (Главврачи страны! Возьмите, пожалуйста, опыт на вооружение!) Словом, лечись — не хочу!

И поликлиника не подкачала, не дрогнула, когда валом повалили больные чрезвычайной сложности и в количестве большем, чем даже мыслилось. Всех приветили. Всем помогли в меру сил и возможностей. Но однажды в поликлинику обратился инвалид войны Гревнин Александр Яковлевич (он, кстати, и пришел затем в «Крокодил»), и, чиркая рецепты на лекарства и мази, сказал ему врач: «А вот с медикаментами у нас, дорогой товарищ, все хуже и хуже. Раньше всегда и все в нашей же аптеке можно было купить. Что-то разладилось в снабжении. Ничего, если я вам рецепты помечу так: «По городу»? Это нужно походить, поискать, что я выпишу». «Что ж,— уныло отвечал инвалид,— конечно, мне это дело затруднительно, но, поскольку выхода нет, давайте «По городу».

И, передыхая в холле, заприметил Александр Яковлевич, насколько он не одинок в своем положении. Множество ветеранов пассивно обсуждали практику, нарождавшуюся в авантажных чертогах: гонять инвалидов по Москве в поисках лекарств, причем безо всякой надежды, что эти лекарства будут куплены:

— А ведь совсем недавно элитная прослойка никаких проблем с медикаментом не знала. Тут рецепт получил, тут и отоварил.

— Мало того! Врачи поговаривают, что скоро вся поликлиника придет в негодность. Вся аппаратура! Запчастей для нее нема. То есть вся эта затея с передачей поликлиники инвалидам есть кость, брошенная общественному мнению: мол, еще один очаг социальной несправедливости ликвидирован. А на самом деле нас объегорили, товарищи ветераны, сняли с довольствия...

Тут Гревнин, подозревая неладное, набравшись сил, поднялся в кабинет заместителя главврача В. Баташовой, застав Валерию Павловну в не свойственном ей унынии, не сказать бы хуже. «Я боюсь в это поверить,— отвечала Баташова на вопросы инвалида,— но это факт: отдать нас вам отдали, а снабжение срезали...»

Я, читатель, по своей природной конструкции не склонен в отличие от множества коллег трагедизировать обстановку и видеть во всех наших конфузиях за последние годы руку антиперестроечных сил, модную ныне мафию, тех, «кому это выгодно» и т. д. Всё, и наша история не исключение, гораздо прозаичнее и просто глупее, чем можно предполагать. Да, поликлинику отдали под нужды ветеранов и инвалидов, но вместе с тем под крики о социальной справедливости почили в бозе и льготы, которыми она пользовалась. И тщетно теперь персонал заламывает руки: помогите! Кончается фирменная пленка для компьютерного томографа. Наша для него груба. Кончаются фирменные пасты, наполнители, сверлильные боры у стоматологов. Кончаются ЗИПы у тьмы-тьмущей импортного оборудования. Как, чем обслуживать ветеранов?! Чего мы хотим добиться?! Низвести уникальный комплекс до уровня захудалой поликлиники? Но не разумнее ли, не гуманнее ли, не экономичнее ли в конце концов иметь данный комплекс маяком и подтягивать прочие поликлиники до его уровня?! И вообще: на кой ляд была затеяна эта петрушка с ликвидацией привилегированного обслуживания?

И действительно, товарищи, на кой? Да, мы имели скрытую от масс, точнее, не доступную массам прекрасно организованную систему обслуживания наших небожителей. Да, это непорядок, и совершенно справедливо та же комиссия по привилегиям отдает ту же поликлинику ветеранам. Но! Поскольку кругом горлопанят, что льготы — это плохо, этих льгот лишаются и ветераны, которым они более всех и необходимы. Ну а к чему приведет данная практика, чего мы добьемся, ликвидировав привилегии поголовно и вообще? Отвечаю совершенно ответственно: на первом этапе, как водится, чувства глубокого удовлетворения. А вот на втором — пригрянет глубокое уныние. Так как, порушив привилегии, оборвав, а к этому все идет, артерии и сосуды, питающие уникальные медицинские комплексы, авантажные дома отдыха, пансионаты и тем их погубив, как-то сложно и неумно пребывать в удовольствии. В связи со всем этим есть у меня соображеньице: а может, товарищи, дело не столько в привилегиях, сколько в том, как ими распорядиться? А? Мыслишка эта, понимаю, предельно еретическая, времени не созвучная, за один присест не разгрызть, но жалко, ей-богу, жалко того, что уже есть и построено, создано для элиты. Ту же поликлинику жалко. Она теперь обезличена — справедливость восторжествовала! — уравнена в правах со всеми прочими и вскоре будет представлять еще один монумент нашей, уж простите, глупости и непрозорливости: из-за пустячных, в разрезе страны, трех сотен валютных тысяч будет парализован, а может, и умерщвлен уникальный лечебно-диагностический комплекс, стоимость которого исчисляется ДЕСЯТКАМИ МИЛЛИОНОВ ВАЛЮТЫ. Молчу уж о том сокрушительном моральном уроне, который будет нанесен ветеранам и инвалидам, возлагавшим на поликлинику свои немалые надежды. Боюсь, что уже сейчас эта помощь не будет оказана всем нуждающимся — нечем и, увы, в немалой степени уже и некем. Поскольку поликлиника агонизирует, множество спецов присмотрело работу на стороне: в медицинских кооперативах (там есть кое-какое достойное оборудование) или же в поликлиниках ведомственных — там есть на чем держать квалификацию.

— Вот почему у нас так?! — едва не плачет заведующая отделением ортопедической стоматологии Н. Предтеченская.— Зачем так глупо терять то, что мы наработали за многие годы? Мы подняли искусство протезирования на мировой уровень, зубы вживляем, опыт гигантский накоплен, и все, выходит, впустую, все идет к тому, что коллектив разойдется. У меня из пятнадцати уникальных мастеров восемь уже уволились.

— Это поразительно! — восклицает заведующая хирургическим отделением Л. Хобцева.— Нет даже шовного материала! Никогда бы не поверила, что такое может быть!

Со вздохом я покинул и рентгеновское отделение поликлиники. Аппараты, могущие делать почти что голографические снимки любой части тела и органа, тоже вскорости встанут — кончается фирменная пленка.

— И как быть? Куда идти? Куда уж только не писали — все без толку,— провожают меня врачи. Они были грустны.

Я было распалился пошутить: мол, товарищи, поликлиникой займутся только тогда, когда она окончательно разрушится, так, мол, у нас принято... Но, глянув на лица врачей, прикусил язык. Нельзя лишний раз ввергать в депрессию и нервозность и без того издерганных медиков; им, патриотам поликлиники, здоровье теперь нужно как никогда раньше. Так как доказать ветеранам, а тем паче инвалидам войны, что они еще раз стали жертвой **на этот раз справедливости** — это надо иметь кованые нервы и монументальное спокойствие.

А ветераны все прибывают...

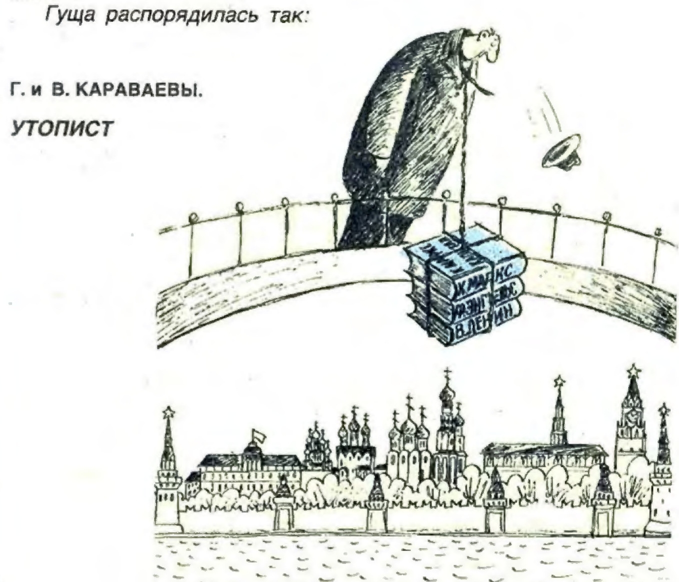
Москва.

ПЕРЕРЫВ ОТМЕНЯЕТСЯ

В новогоднем продуктовом заказе был кофе.

Выпив его с наслаждением, но без сахара, жюри конкурса карикатуристов «Глазами гласности» уселось гадать на кофейной гуще: кому присудить премии?

Гуща распорядилась так:

Г. и В. КАРАВАЕВЫ.

УТОПИСТ

Первую премию (триста рублей) отстегнуть супругам КАРАВАЕВЫМ Галине и Валентину (Москва) за рисунок, опубликованный в «Крокодиле» № 26 за 1990 г. Причем Галине выделить сто пятьдесят рублей, остаток — Валентину.

Две вторые премии, по двести рублей, пожаловать рижанке Тамаре СЕРГИЕНКО (№ 9, 1989 г.) и белгородцу Николаю БЕЛЕВЦЕВУ (№ 27, 1990 г.).

А три третьи, сторублевые, премии раскидать между Петром КУЛИНИЧЕМ из Сочи (№ 21, 1989 г.), Александром ПШЕНЯНИКОВЫМ из Днепропетровска (№ 14, 1989 г.) и Евгением СКАРИДОВЫМ из Свердловска (№ 4, 1989 г.).

— Ладно,— покорно согласилось жюри.— Но остается еще одна премия — читательская. С ней-то как?

— А я тут при чем? — возмущенно запузырилась кофейная гуща.— Пусть читатели и присуждают, раз такой был уговор.

Итак, уважаемые читатели, подписчики «Крокодила». Мы еще раз обращаемся к тем, кто бережно сохранил все номера журнала за два последних года. Полистайте комплект, отберите лучший, на ваш взгляд, рисунок из тех ста двадцати шести, что были опубликованы в течение двух лет, и сообщите нам фамилию художника.

Подсчитав голоса с помощью компьютера «Агат», мы обнародуем фамилию читательского кумира с последующим вручением ему трех сторублевок.

Не беда, если ваше мнение совпадет с кофейным,— значит, кому-то из лауреатов уж очень сильно повезет.

Пишите **только на открытках** *с пометкой «народный лауреат». Срок — месяц со дня получения вами этого номера.*

А жизнь продолжается. Бурлят перестроечные процессы. Бюрократы перековываются в демократов. Границы гласности расползаются. Дефицит продуктов и промтоваров упорно тащит за собой дефицит улыбок.

И поэтому Крокодил срочно объявляет НОВЫЙ КОНКУРС. На этот раз — просто смешных, юмористических рисунков из тех, что в быту зовутся «крокодилинками». На любую тему.

Официальное название конкурса —

«ЕЩЕ СМЕЕМСЯ»

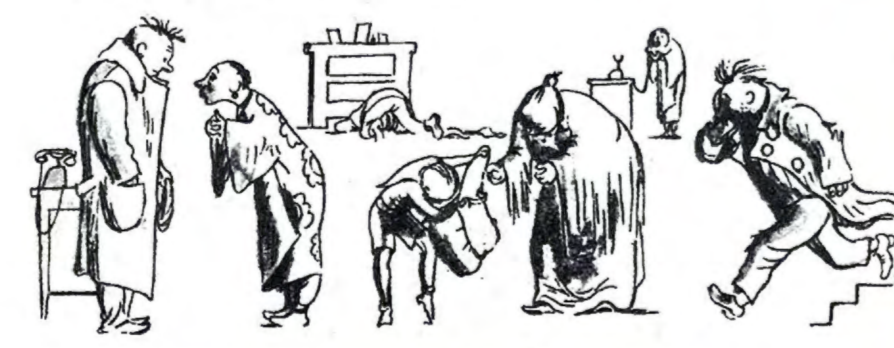
Присланные рисунки не рецензируются и не возвращаются.
Поехали?

Л. СТОРОЖУК, г. Харьков.

Рисунок М. ЗОЩЕНКО к «Голубой книге».

Л. СОЙФЕРТИС. Рисунок к рассказу «Парусиновый портфель».

Н. АЛЬТМАН («Очень умные обезьянки»).

НАРИСОВАННЫЙ ЗОЩЕНКО

В конце 20-х гг. выходившая в Ленинграде «Красная газета» предложила своим читателям ответить на ряд вопросов, среди которых был и такой: кто самый популярный человек в их городе?

Подавляющим числом голосов был назван писатель Михаил Зощенко.

Да, Зощенко имел поистине всенародную славу. И этим он был обязан не каким-нибудь там исключительным обстоятельствам, вытолкнувшим его на поверхность жизни, а самому себе. Своему редкому дару, который так хорошо угадал родиться на переломе эпох.

Но литературная слава не ходит одна. Она всегда в окружении, в притяжении к себе. Те, кто попал в ее притягательную орбиту, знают, что за славой надо ухаживать. Не для того, чтобы погреться в ее лучах, а чтобы она не утратила своей дорогой цены, не померкла и не погасла раньше, чем предназначено ей судьбой.

К. ЕЛИСЕЕВ («Собачий нюх»).

В. КОНАШЕВИЧ («Сирень цветет»).

Так или не так думали художники-современники о Зощенко и необходимости поддержать, «подпитать» его славу, но то, что наиболее из них выдающиеся наперебой рвались внести свой вклад в ее долгожительство,— это факт. Притом не только художники-карикатуристы Н. Радлов и К. Ротов, Кукрыниксы и Б. Ефимов, Б. Антоновский и Б. Малаховский, К. Елисеев и Л. Сойфертис, Л. Бродаты и Ю. Ганф, В. Козлинский и И. Семенов; иллюстрировать написанное Зощенко не считали для себя зазорным и мастера «строгих» жанров, представлявшие самые разные школы и направления: Н. Альтман, Е. Кибрик, В. Конашевич, Л. Пахомов, Н. Тырса,— перечень только этих имен уже говорит о том, насколько серьезно воспринимал мир изобразительного искусства присутствие Зощенко в нашей культуре, его нужность людям и времени, в котором все они оказались.

Кстати, о времени. У всякого времени свой язык. Язык, каким говорят люди на улицах, язык литературы, язык, коим изъясняются (как любил говаривать Зощенко) «мастера кисти и резца». Так вот, журнальные рисунки и иллюстрации к книгам, сделанные художниками — современниками Зощенко, не просто сопровождают то, что он написал, но помогают точнее и ярче передать приметы, дух и характер времени, в котором всем им — художникам, писателю и его героям — довелось жить. Кому-то, кто держит сейчас перед глазами этот крокодильский разворот, вполне может подуматься, что сегодняшние художники, постигшие премудрости рисовальной техники прошлого и поднаторевшие в освоении новейших приемов подачи изобразительного материала, куда как лучше справились бы с той работой, которую проделали их предшественники. Спорить не буду. Однако уверен, что при всех общих и частных достоинствах сегодняшних мастеров никому бы из них не удалось передать главное: атмосферу **не прожитых** ими лет.

И еще о времени. У всякого времени не только отличный от прочих времен язык, о котором сказано выше, но и язык, каким разговаривает с литературой и искусством власть. О том, как власть «разговаривала» с Зощенко, сегодня известно всем. Известно, что **образ врага** лепился из Зощенко не год и не два — последовательно и терпеливо. Каждая мелочь попадала в копилку его «злодеяний». Многое из этой копилки уже открыто нашим глазам. Многое пока еще ищет света. Одна из тех многочисленных «мелочей» найдет свой свет на этой странице... В 1939 году в Ленинградском отделении Детгиза должна была выйти книга М. Зощенко «Рассказы о Ленине». Когда первые ее экземпляры были сброшюрованы, цензура узрела вдруг в двух из тридцати шести автолитографий, которые выполнил для этого издания Н. Тырса, страшную крамолу: на одной — Ленина брил парикмахер, на другой — вождь падал от пули Каплан. Практически весь тираж был пущен под нож. Уцелело считанное число экземпляров, спасенных рабочими типографии.

Мелочь. Но кому-то было приятно. Мало ли, что на сей раз «вляпался» художник, а не сам Зощенко. Но книга-то его! Не без его ведь ведома подрастающее поколение строителей светлого будущего чуть-чуть бы еще и увидело эту мазню, где дедушка Ленин представлен в таком архинеподобающем виде...

Однажды Зощенко написал, что литература, да и вообще всякое художественное творчество,— «производство опасное, равное по вредности лишь изготовлению свинцовых белил».

Что у них вредная профессия, хорошо знали и окружающие Зощенко художники. Но, как и он, они продолжали делать свое опасное дело.

«И в этом было мужество, воля и долг. Тот долг, который выше личных чувств и страха...» Это тоже Зощенко написал.

Ю. ТОМАШЕВСКИЙ.

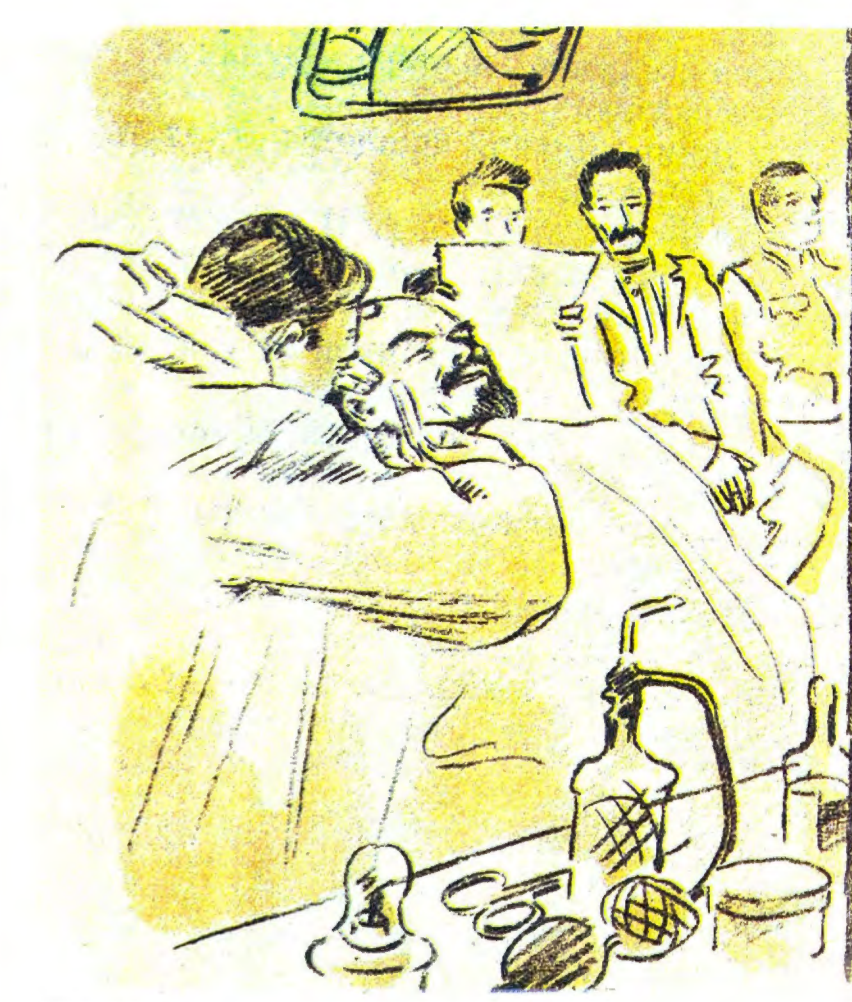
В. КОЗЛИНСКИЙ («Дама с цветами»).

Б. АНТОНОВСКИЙ («Шипы и розы»).

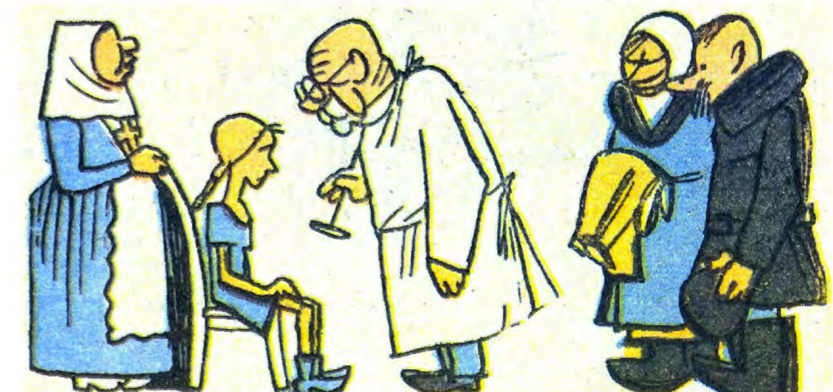
Н. РАДЛОВ («Иностранцы»).

Н. ТЫРСА («В парикмахерской»).

А. УСПЕНСКИЙ («Глупая история»).

Л. БРОДАТЫ («Медицинский случай»).

Андрей ВАВРА, специальный корреспондент Крокодила

РАЗДЕТАЯ ЗАОЧНО

Господи, как быстро летит время! Ведь еще совсем недавно участница телемоста, помнится, решительно обрубила своих зарубежных оппонентов гордым заявлением: «Секса у нас нет!»

На нет, как известно, и **суда нет**. Но прошла всего лишь пара-тройка лет, а на дворе уже эпоха эротического разгула, сексуальная революция. Что отразило и отечественное искусство. Во всяком случае, наши театральные и киноделятели с разоблачения темных сторон жизни охотно переключились на разоблачение хорошеньких актрис.

Худо это? Во всяком случае, ясно одно: поговорка насчет суда малость подустарела. Впрочем, все по порядку.

Снимая свой новый фильм — комедию из французской жизни «Веникс», молодой режиссер Иван Василёв не случайно в скобках указал и второе название картины — «Половые щетки». Автор собирался развлечь зрителя, уставшего от экранной «чернухи». Ну, а кроме того, имел в виду и его эротическое воспитание. Поэтому все действующие лица — молодой художник, богатая наследница, ее мамаша и папаша со своей любвеобильной приятельницей, любовница художника, молодая служанка — не столько проводят время в чинных беседах за чашечкой кофе, сколько устраивают свои любовные делишки. Комедия, как известно, жанр динамичный. Поэтому в картине Василёва герои то и дело прячутся в шкаф либо под диван, валятся в постель, дрыгают ногами, бегают по лестницам, обнимаются и целуются. При этом то одна, то другая девушка между делом стаскивает с себя разные мелкие предметы туалета.

А когда дело доходит до финала, приятельница папаши — половая гангстерша и проститутка по кличке «Сяо Мяо» — со свойственной ее профессии беззастенчивостью вообще выходит полуобнаженной. То есть сверху все честь по чести: широкополая шляпа, пестрый корсаж от платья... А вот все остальное, что ниже пупка... тут она абсолютно голая! И в таком легкомысленном наряде она порхающей походочкой движется прямо на зрителя. Поворачивается то одним боком, то другим, а потом, извините, глядит на камеру и задом. Словом, по нынешним временам все достаточно невинно — ну, повертелась голая девушка перед камерой, всего-то делов. К тому же все это психологически оправдано. Раз уж остальные героини не проявляют особого целомудрия, то проститутке даже как-то стыдно не оказаться в финале голой.

Да и вообще, судя по его предыдущему фильму — «На помощь, братцы!», режиссер Василёв всего лишь выдерживает свое творческое кредо: если в фильме снимаются молодые симпатичные девушки, то и пусть активно занимаются эротическим воспитанием советского зрителя!

В общем, тут типичное современное развлекательное кино: режиссеры хотят снимать обнаженную натуру, актрисы особенно не возражают. И все друг другом довольны. В том числе и зритель.

Но не зря автор с самого начала обмолвился насчет суда. Именно к помощи суда обратилась актриса Лидия Вележева, игравшая роль Сяо Мяо. Финальные разоблачения она расценила как посягательство на ее честь и достоинство. Актриса согласна была стаскивать у себя из-под юбки трусики, имитировать какие-то сексуальные спазмы. Но чтоб ходить по съемочной площадке голой!.. В общем, оказывается, финал вела совсем не она, а другая девушка — по сути, ее дублерша в этих кадрах.

На взгляд режиссера, никакой обиды актрисе он не нанес: дублершу ей подобрали вполне достойную, во всяком случае, от пупка и ниже точь-в-точь как на картинах мастеров итальянского Возрождения. Но актрису, как оказалось, взволновало совсем не это.

— Я,— заявила она,— не собираюсь зарабатывать себе славу раздеванием! У меня муж, ребенок, соседи, сослуживцы. Как я буду людям в глаза смотреть после такого? Ведь не станешь всем объяснять, что это была не я!

Да, актрисе можно посочувствовать. Муж-то, конечно, обнаружит подмену, но всем ведь не докажешь... А режиссер категорически не хочет войти в положение.

— А что тут такого,— удивляется он,— это ведь кино! В рязановском «Жестоком романсе» играет, например, одна актриса, говорит за нее другая, а поет вообще третья. А если бы героине пришлось прыгать с моста в реку, вообще бы пришлось мужчину-каскадера приглашать. И потом у нас просто не было другого выхода: в назначенный день актриса не явилась на съемку. Представляете положение: последний день съемок, артисты назавтра разъезжаются, реквизит надо возвращать, павильон разбирают... Хорошо, что в киногруппе нашлась девушка, согласившаяся подменить Вележеву и чрезвычайно похожая на нее ростом и фигурой. Вот ее и засняли в финале. Надели ей широкополую шляпу, чтоб по возможности спрятать лицо. А чтобы зритель и не пытался приглядеться к лицу, прочее, так сказать, выделили...

Свидетельствую: хитрость режиссера вполне удалась. Лично меня он провел. Честно признаюсь, я подмены не заметил.

— Ну, если Вележева недовольна, что мы это дело с ней не согласовали,— говорит Василёв,— мы готовы в титрах дать пояснение: мол, когда Сяо Мяо выходит голая, это вовсе не стеснительная актриса Вележева, а совсем другая девушка.

— Мало того, что не хотят вырезать финал, так они еще вздумали издеваться! — возмущается на такое предложение актриса.

Действительно, на пересъемку режиссер никак не хочет пойти. Это ведь снова собирать артистов, снова им платить, восстанавливать съемочный павильон, разыскивать костюмы и реквизит, которые брали напрокат и которые теперь неизвестно где гуляют... Словом, по трудоемкости это почти то же самое, что снять новый фильм.

А главное, режиссер никак не может уразуметь: из-за чего, собственно, весь сыр-бор.

— Вот уж никак не ожидал, что по таким пустякам у нас разгорится конфликт! — недоумевает Василёв.— На предыдущей картине, например, актрисам даже приходилось напоминать: да не разбредайтесь вы в голом виде со съемочной площадки — отдыхающие переполошатся!

В общем, судя по всему, стороны без суда никак не договорятся.

Суду, конечно, предстоит долго распутывать клубок взаимных обид и обвинений. Например, намеренно ли режиссер снимал обнаженную дублершу или просто был поставлен в безвыходное положение отсутствием Вележевой? Не являлось ли это нарушением договора? Достаточно ли четко в сценарии были прописаны эротические сцены?

Суду, конечно, придется тут долго разбираться, кто прав, а кто виноват. Актриса говорит: не знала о съемках. Режиссер говорит — не явилась. Актриса: в сценарии этой сцены не было, съемки обнаженной натуры не предусматривались. Режиссер: зато первоначально в сценарии была другая сцена, из которой ясно — актрисе, играющей Сяо Мяо, никак не обойтись без раздевания.

Словом, каждый стоит на своем. Так что скорее всего по ходу съемок режиссер и актриса просто не сошлись характерами. Последовала серия взаимных обид, а в результате, вместо того чтоб прийти к обоюдному согласию, они встали в позу взаимного непонимания...

С одним Василёв согласен: внимания Вележевой на съемках в голом виде он не акцентировал, слово «голая» в сценарии курсивом не обозначал.

И все же не могу тут в скобках не заметить по поводу массового шествия голых дамочек по экранам. Конечно, все понимаю: свобода, демократия, раскрепощение. Но это шествие стало приобретать уж очень нарочитый характер. Так что наверняка где-то уже идет работа над сценарием про интимную жизнь секретарей по идеологии или знаменитых революционерок. И не случится ли в результате, что актрисе, не согласной сниматься голой, скоро вообще не будет места в советском кинематографе?..

Не знаю, чьи аргументы покажутся суду весомей. Но молодой актрисе, попавшей в такой переплет, можно только посочувствовать. По-человечески я ее понимаю: не хочет она сниматься обнаженной. И не хочет, чтоб зрители думали, будто она снимается голой. С одной стороны, идти против ее воли было бы как-то негуманно. С другой же стороны, раз фильм снят, как ей режиссер может пойти навстречу?

Допустим, суд удовлетворит иск Вележевой, что тогда? Статья о защите чести и достоинства гласит: виноватый должен принести извинения. Когда речь идет о печатных публикациях, тут все понятно: опровержение публикуется в том же печатном органе, который посягнул на честь и достоинство гражданина. А вот когда они задеты фильмом? Остается разве что по букве закона отснять киноролик с извинениями и крутить его до или после фильма.

Понятно, что так не получится. Извиняться надо, похоже, все-таки в каком-то печатном органе. Где же тогда: в журнале «Советский экран»? Или «Человек и закон»? А если посмотревшие фильм не читают этих изданий?

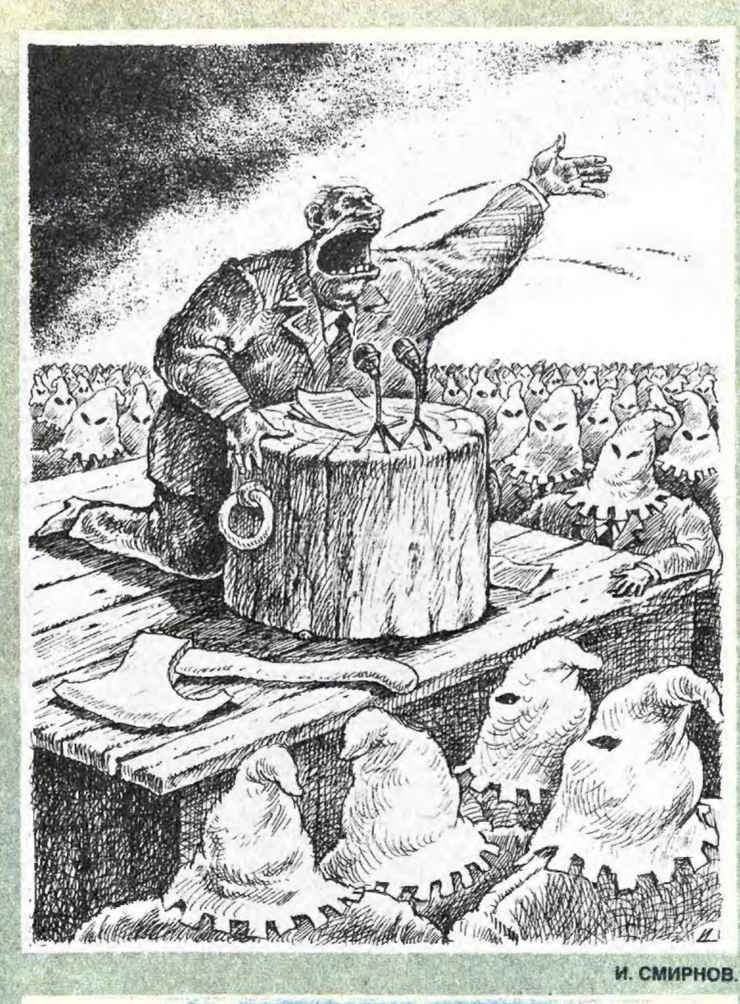
Вот если бы режиссер украл у актрисы кошелек, тут уж ему не отделаться извинениями! Тут бы закон взял его за грудки, усадил на скамью подсудимых, а оттуда известно куда. Не посягай на материальное имущество! А наткнувшись на такую эфемерную материю, как честь и достоинство, отечественное законодательство пока пасует.

Другое дело — буржуазное общество. Сплошь и рядом, читая про их жизнь, обнаруживаешь: такой-то гражданин подал в суд на возмещение морального ущерба, такой-то требует многомиллионной компенсации. Там, в мире чистогана, на каждую эфемерную моральную травму навешен ярлычок с ценой: столько-то тысяч (миллионов) долларов. А у нас хоть честь, достоинство, мораль и нравственность в законе упомянуты, но насчет реальной компенсации за моральный ущерб — ничего. Только печатные извинения. А в каких-то случаях и эти извинения неуместны...

Значит, здесь очередное «белое пятно» в советском законодательстве, о котором уже достаточно долго говорят наши юристы. Очередное наше отставание от юридических норм цивилизованного общества, где гораздо трепетнее относятся к правам личности.

Сегодня только для нашего Президента предусмотрена материальная компенсация за моральный ущерб. А будь в Гражданском Кодексе статья, бьющая по карману охотников наносить моральные травмы рядовым гражданам... Вот уж тогда режиссер наверняка поостерегся бы монтировать к фильму без согласия Вележевой ее обнаженную дублершу!

Москва.

И. СМИРНОВ.

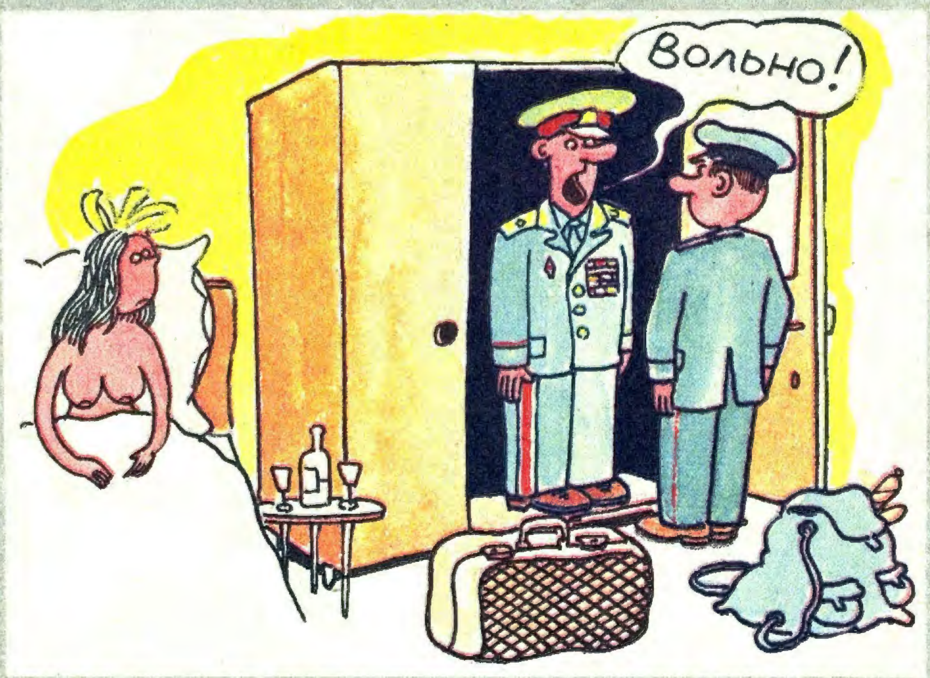

В. ПОЛУХИН, В. ЛУГОВКИН (тема).

— Что-то изменилось в кабинете?
— Да, раньше висели портреты членов Политбюро.

В. УБОРЕВИЧ-БОРОВСКИЙ, Р. ДРУКМАН (тема).

В. ЛУГОВКИН.

В МОССОВЕТ, ДЕПУТАТУ ПРОКОФЬЕВУ

Уважаемый Юрий Анатольевич! Я уже дважды обращался к Вам: по почте и передавал письмо непосредственно в исполком. Результата не было. В третий раз прошу: явите депутатскую милость, выполните свое предвыборное обещание. Вы же знаете, что из пяти перестроечных лет Бутовская библиотека перестраивается — переезжает и ремонтируется и, естественно, не работает — четыре года. Не для себя прошу блага — для сограждан и знакомой бабушки Жуковой, большой любительницы чтения.

Государство вдарило по прессе, и теперь кусается даже «Крокодил»: 75 копеек за номер — 30 минут смеха — это 400 г. сметаны (пока цена не подскочила) или 3,5 кг ржаного хлеба (Бог даст, не подскочит). Иное дело — библиотека! Тогда пенсионерам можно и посмеяться, и хлебушка поесть с картошечкой, постным маслицем политой (если в магазине выбросят).

Так что пожалейте старушку, Юрий Анатольевич, помогите отремонтировать в Бутове библиотеку. И без того у нас в Бутове на двух единственных улицах такая грязюка, такая темень под незажигающимися фонарями, что, пока утром до электрички дойдешь, депутатов с их обещаниями всеми буквами помянешь. И вечером, с работы идучи, тоже. Если Вам икается, простите великодушно. Не судите нас строго, все это от бескультурья нашего, да и в ужасе мы: того и гляди перестройка кончится. Что с нами будет?

Бабушки Жуковой знакомый
Александр АБЕЛЬСКИЙ.
Москва, Советский район, Бутово.

КОГО ВОСПИТЫВАЕМ?

Дорогой Крокодил! Я твоя давняя и постоянная подписчица, человек пожилой, за свою жизнь повидала всего, но никогда никуда не писала. То, что я увидела на рынке в г. Брянске, так возмутило меня, что я не выдержала...

Была я на рынке уже под вечер. На прилавках — сигареты любых марок. Ради интереса прицепилась к сигаретам с фильтром. Мужчина, по виду он с Кавказа, показывая товар, стал называть цену пачки: два, два с полтиной, три, четыре рубля... «Это же грабеж»,— заметила я ему. Он в ответ: «Иди, женщина, тебе, видно, не надо. Кому надо — купят». Подошла к цыганке, продавала она «Астру» и «Приму» — по два рубля 20 копеек за пачку. Попросила уступить, она не согласилась: «Не могу, не мое». А рядом стоят два милиционера, которые, разумеется, все это видят, но спокойно курят. Создается впечатление, что они тут стоят, охраняя спекулянтов.

Кто эти люди, что торгуют здесь сигаретами? Где они их берут? Может, у них свои табачные плантации и фабрики?

Когда я возвращалась с рынка, меня обогнали два подростка, и я услышала, как один из них сказал, что он сегодня заработал 200 рублей, а второй с печалью посетовал, что ему торговать не разрешает мать. Кого мы растим? Спекулянтов?

Когда я дома все это рассказала, зять от души смеялся. «Мать,— говорит,— какой ты наивный человек! Да на всех трех брянских рынках такое творится!» Все идет кувырком, и нет веры ни во что.

С уважением
Светлана Александровна С.
Брянская область.

ЗАПОМНИТЕ ДВА ИМЕНИ!

Появление нового писателя всегда загадка. Не было — и вдруг есть. Откуда взялся?

Ладно еще, когда новичок долго и старательно учится, вырастая на глазах, тогда хоть понятно. Но вот Антона Молчанова я нашел, как белый гриб под кустом. В непомерной копне рукописей, присланных на конкурс в студию молодых прозаиков, которую я вел при Союзе писателей, мои студийцы сразу выделили тоненькую папочку — страниц тридцать, рассказов пять. Прочитав первый же, я кинулся звонить по номеру, указанному в конце. Так Антон Молчанов стал чем-то вроде моего ученика.

Он оказался инженером двадцати пяти лет, худощавым, спокойным и очень интеллигентным. Почему не ученик, а «вроде»? Потому что все мои замечания и предложения он очень внимательно выслушивал, благодарил, а потом делал все по-своему, впрочем, никогда не повторяя прошлых ошибок.

Неожиданно он стал писать фантастику, придумав для нее космический псевдоним «Ант Скалантис». Новость вызвала у меня тоску: этот тип словесности я воспринимаю с трудом, парсеки, киборги и выходы из подпространства почему-то сразу вгоняют меня в анабиоз. О чем я и сказал Антону вполне откровенно.

Однако фантастика Анта Скалантиса оказалась какой угодно, только не скучной. А проглотив рассказ «Нет правды на Земле», я тут же принялся читать его вслух всем приятелям, у кого был свободен телефон. Надеюсь, у многих читателей журнала реакция будет аналогичной.

Представляя младшего собрата по перу, обычно предлагают запомнить его имя. Я прошу запомнить сразу два: реалиста Антона Молчанова и фантаста Анта Скалантиса.

Леонид ЖУХОВИЦКИЙ.

Ант СКАЛАНТИС

Рассказ

НЕТ ПРАВДЫ НА ЗЕМЛЕ...

Андрей Васильевич Тимохин садится за телефон. Начальник попросил остаться во вторую смену (идет важный эксперимент), а он ответил уклончиво. И вот теперь снимает трубку, слушает гудок и думает: «Главное — ничего не перепутать. Надо же, год уже прошел, а я все никак не привыкну. Значит, так. Матери нельзя говорить о работе. Она будет нервничать. Жене нельзя говорить, что еду к матери. Обидится, скажет, дома совсем не бываешь. Начальнику нельзя говорить о жене. Он ее слишком хорошо знает, не поверит ни одному слову. Паше Мельникову нельзя говорить ни о жене, ни о матери — только о бабах. Лучше всего приплести Татьяну — понятнее. Татьяне нельзя говорить... Боже, как я устал!»

Дома к телефону подходит Алешка. Приходится сделать ему выговор за вчерашнюю двойку.

— Вот,— канючит сын,— а говорил, что за отметки ругать не будешь.

— А я за двойку и не ругаю,— говорит Андрей Васильевич.— Я за вранье ругаю. Зачем было говорить, что ничего не задали?

— Так все же врут,— рассудительно отвечает Алешка.

— Что значит «все»? Я, например, разве вру когда-нибудь? Ну, ладно, мать позови.

У Анюты усталый голос, и она просит прийти пораньше.

— Не получится, малыш,— прерывает Андрей Васильевич,— я ж как раз и звоню, чтобы предупредить. Как назло, меня сегодня во вторую оставляют...

— Мамуля,— говорит он через минуту,— это я. Просто кошмар какой-то! Опять не смогу приехать. Да, Алешка заболел. И Анюта что-то неважно себя чувствует...

— Петр Кузьмич,— с начальником он связывается по селектору,— только что матери звонил. Ей очень плохо. Вот такие дела...

— Видал, как крутиться приходится? — подмигивает он с улыбкой Мельникову, сидящему рядом.— С Татьяной договорился, у нее квартира свободна.

Но и это неправда. Вместе с Татьяной, секретаршей Петра Кузьмича, Андрей Васильевич выходит из института, но на улице говорит:

— Подожди, я позвоню из будки.

Из будки он никуда не звонит — просто вертит диск и прижимает к уху трубку. Потом возвращается. Именно в этот момент он понимает, что совершит нечто не предусмотренное заданием. И делается страшно. И он врет уже беззастенчиво, не задумываясь о последствиях:

— Танюшка, у меня сюрприз! Я договорился насчет твоей шубы. Только ехать надо прямо сейчас. И еще... в одно место. В общем, ты поезжай домой. И, пожалуй, не жди меня сегодня...

Татьяна расстраивается не слишком. Он подбрасывает ее до метро. Потом долго крутит по переулкам и, лишь убедившись, что «хвоста» нет, выруливает на шоссе. Из будки возле стадиона звонит шефу:

— Товарищ полковник? Сергеев. Хочу увидеть вас. Есть идея.

И это означает, что майор Сергеев, работающий завлабом Тимохиным, готов доложить строго конфиденциально полковнику Н. свои соображения о личности резидента Икс, для выяснения которой он и внедрен в НИИ. Встреча должна состояться в условленное время на условленном километре шоссе Энтузиастов.

Но и это неправда. Выехав за черту города, Сергеев сворачивает в лес, по заросшей дороге едет к полю ржи, у опушки выходит из машины, садится в траву и, достав из кармана сигаретную пачку с передатчиком, выходит на связь.

— Генерал Бирс? — говорит он по-английски.— Все готово.

— Отлично, Джо. И у нас порядок.

И это означает, что ровно в 22.00 над той самой точкой встречи возле шоссе, куда Джо Макмилан как бы случайно опоздает, будет проходить стратегический околоземный спутник, и остронаправленный высокоэнергетический импульс, выпущенный в него, уничтожит полковника Н. Потом начнется сильная гроза, которая и подскажет всем причину смерти.

Но и это неправда. Не сходя с места, Джо выкатывает на ладонь небольшой черный шарик, и шарик начинает раздуваться. Достигнув размера теннисного мяча, вспыхивает ярким желтым светом, а когда свет гаснет, внутри появляется изображение — лицо немолодого и очень усталого человека, и в сознании разведчика звучит голос:

— Привет тебе, Тсирх. Я слушаю тебя.

— Привет, Талип,— отвечает он так же молча.

Потому что на самом деле он не агент ЦРУ, а сотрудник галактической разведки Звездного Содружества с центром на планете Куарга и на Земле находится для изучения и контроля.

На Куарге уже много столетий не знают, что такое ложь. Когда-то давно она считалась самым тяжким преступлением. Теперь с этим древним грехом высшего разума соприкасается лишь одна служба, работа в которой окутана ореолом романтики и зловещей тайны. Эта служба — галактическая разведка. Ее посланцам приходится порою иметь дело с ложью в других мирах, они исследуют ее, ищут пути искоренения. Обработкой полученных данных занимаются только машины. Люди планеты Куарга и всего Звездного Содружества не должны знать о лжи ничего. Таков замысел. Таковы условия игры.

— Привет тебе, Талип,— говорит Тсирх шефу галактической разведки.— Я больше не могу работать здесь. Наверно, я очень плохой разведчик. Я хочу выйти из игры и вернуться на Куаргу.

— Добро,— говорит Талип,— возражений нет. Добытые тобой сведения имеют достаточно высокий информационный коэффициент.

— Я намерен использовать вариант возвращения по схеме 82/14.

И это означает, что Тсирх совершит межпространственный переход, используя местную энергию. В момент встречи с полковником Н. он примет на себя импульс и преобразует его целиком в энергию пси-поля. Полковник останется жив. Грозы не будет. А он исчезнет для землян и из памяти всех, кто знал его на этой планете, информация о нем будет автоматически вычеркнута тем же способом, каким год назад она была введена. Так Тсирх благополучно вернется домой на Куаргу.

Но и это неправда. Разведчик Тсирх не вернется домой. Он погибнет. В официальном бюллетене галактической разведки будет сообщено о несчастном случае. При межпространственных переходах такие случаи бывают. Редко, но бывают. И для всех жителей Куарги это будет правдой. Потому что жители Куарги не знают, что такое ложь.

А настоящую правду знают только машины. За века работы они сами создали и отдалили программу, в соответствии с которой любого разведчика, научившегося лгать, следует уничтожить при попытке возвращения. Чистку памяти машины сочли недостаточно надежной. Ведь жителям Куарги не стоит даже видеть человека, который когда-то лгал.

Джеф КОЭН

ОБНАЖЕННЫЙ ВЗГЛЯД НА ГЛАСНОСТЬ

Интерес западных масс медиа к нам, нашей перестройке нарастает лавинообразно. Одних интересует Горбачев, других — экономические проблемы, третьих...— наши натурщицы. Так, один из самых известных американских «веселых» журналов, «Плейбой», свой февральский номер за прошлый год в значительной мере посвятил «женщинам России». В «Комсомолке» вы могли видеть один из снимков, сделанных фотохудожниками этого журнала в нашей стране. Мы тоже видели, и захотелось нам поглядеть на всю подборку. На это ушел... почти целый год. Чтобы раздобыть журнал, пришлось посылать гонца в Соединенные Штаты. И вот перед вами — сенсационный репортаж художественного редактора «Плейбоя» о его профессионально-эротическом путешествии в Россию. В нем просматриваются, надо признаться, былые стереотипы, но еще лучше просматриваются (на иллюстрациях) волнующие очертания наших соплеменниц. Наша б воля, весь журнал бы им посвятили. Но дефицит (и здесь он, проклятый!) печатной площади позволяет перепечатать материал лишь в сокращенном виде.

Я прилетел в аэропорт «Шереметьево» с огромным нейлоновым чемоданом, до отказа набитым женским бельем, прилетел уставший и предчувствующий что-то недоброе. Вдали маячила внушительная фигура сотрудницы таможни. Что она подумает об одиноком мужчине, везущем дамские причиндалы и шесть пар туфелек на высоком каблуке? Мне казалось, что багаж выдает меня с головой и сейчас будет скандал.

Однако первым испытанием был паспортный контроль. Дежурный посмотрел на меня так, как будто ждал признания во всех смертных грехах. Я понимал его трудности. У него не было компьютера, чтобы ввести мое имя для паспортного контроля, как делают, например, в Канаде. Поэтому он впился в меня глазами. Я собрал все силы, чтобы не отвести взгляда. Схватка закончилась моей победой: в конце концов он проштамповал мои документы.

Потом мне понадобилась тележка для багажа. Это стоило 1 рубль. У меня рубля не было, а места, где я мог поменять валюту, в этой части аэропорта тоже не оказалось. Я предложил носильщику доллар и потянулся за тележкой. Он отпрянул от меня: получение валюты для советских граждан является нарушением закона. К счастью, я вспомнил совет главного фотографа «Плейбоя» Помпео Позара иметь при себе сигареты «Мальборо» — универсальное платежное средство в России. Я протянул носильщику нераспечатанную пачку, он отдал тележку.

Приближалось третье испытание — проверка багажа. Та самая бегемотообразная дама выросла передо мной. Я представил семь своих сумок. Без особого внимания просмотрела она мою коллекцию белья. Не было встревоженности и по поводу шести пар туфель. Но вот мои фото- и видеокамеры ее заинтересовали, однако она ограничилась тем, что записала номера и серии. Видимо, таможенницу больше беспокоило то, что я могу продать аппаратуру на черном рынке, а не съемка советских девушек в американских лифчиках.

Прогон сквозь строй завершился, и я ступил на землю Чехова, Горбачева и, как оказалось, красивых женщин.

Саша Бородулин, который стал моим московским напарником, забронировал номер в 3200-комнатной гостинице «Россия». Расположенная недалеко от Красной площади, она стала удобным местом сбора для моделей, которые мы собрались фотографировать.

В первую ночь моего пребывания в Москве мы отправились на дискотеку, где короновали «Мистера Москву». Русские недавно открыли для себя всю увлекательность подобных празднеств и старались использовать для них любую возможность. Саша заявил, что там всегда бывает много красоток.

Дискотека проходила на окраине города, в одном из непривлекательных высотных жилых комплексов. Не было ни обслуги, ни неоновых огней, ни прейскуранта. Но парень у дверей присмотрелся и угадал во мне иностранца. За вход он потребовал двадцать рублей.

Две вещи отличали советский молодняк от западного. Несмотря на то, что там были артисты балета из Большого и Кировского театров, танцевать, как принято в ночном клубе, никто не умел. Это во-первых. Во-вторых, они посматривали на меня, иностранца, с какой-то опаской. И еще. Когда они улыбались, мне вспоминался зубопротезный кабинет.

Пока я бродил по залу, Саша трудился над отбором натурщиц. Его образ действий ничем не отличался от того, как это делают наши фотографы из Атланты, Далласа или Лос-Анджелеса. Заметив привлекательную девушку, он подает знак своей помощнице, и они подходят к девушке — потенциальной модели. «Мы работаем над иллюстрированным изданием, мы считаем вас очень привлекательной, не откажетесь ли вы быть натурщицей?» Как и предсказывал Саша, результаты оказались хорошими. Хотя мы и не увидели награждения «Мистера Москвы», удалось сговориться с четырьмя девушками.

Саша замечательно отбирал красавиц. Они ежечасно приходили к нам в гостиницу, днем и ночью. Девушки яркой наружности были полны желания использовать свой шанс. Как и во всей

См. стр. 14.

Со стр. 13. ▶

Европе, позирование обнаженными не вызывало у них затруднений. Ни одна не беспокоилась за свою фигуру и не комплексовала, раздеваясь перед массой молодых людей в Сашиной комнате.

Меня поразила свобода, данная нам в работе. Мы с Сашей решили, что для фото, которое откроет наш материал, девушки снимутся на Красной площади. Мы взяли четырех самых сексуальных, нарядили их в облегающие платья и повели от гостиницы к Кремлю. Нас немедленно стали конвоировать — по одежде и по тому, как человек держался (не слишком далеко и не слишком близко), мы угадали в нем агента КГБ. Мы придвинулись ближе друг к другу и решили пустить в ход последнее оружие — мою видеокамеру. Какой агент захочет, чтобы его показали на Западе? Я направил на него камеру, и он бесследно исчез.

Мы нашли удачное место у собора Василия Блаженного. Был воскресный день, много народу. Толпы туристов, солдаты и даже кремлевские часовые смотрели на нас. Но никто не спрашивал документов, и никто даже не задавал вопросов. Они, наверное, считали, что в обновленной России все возможно.

* * *

Если вы восставали против партии, вас ссылали в Сибирь, зато если вы аппаратчик, вы отдыхаете в теплом, райском месте — в Сочи, курорте на Черном море. После нескольких дней пребывания в холодной Москве мы решили отправиться на юг, как это делают партийные лидеры.

К сожалению, нас ждали испытания. Чтобы добраться до Сочи, мы должны были лететь Аэрофлотом, этой крылатой преисподней. Когда мы втащили наши сумки и чемоданы в самолет, оказалось, что все места для багажа уже заняты. Оборудование в самолете было обветшалым и грязным. Не было ни журналов, ни гигиенических пакетов, ни наушников, ни кондиционеров, ни освещения. Стюардесс тоже не было видно.

В середине полета увесистые советские матроны загородили проходы между креслами, передавая друг другу что-то фруктовое в бумажных пакетах. Мои спутники безмолвствовали, я впервые видел их подавленными и угнетенными.

Сразу скажу, что путь обратно в Москву был еще хуже. Мы вылетели в 11 часов вечера, как раз вовремя, чтобы они зажгли в салоне свет и врубили музыку — на весь полет. Когда мы приземлились — в два ночи,— свет погасили, и мы вылезали из самолета в кромешной тьме. Когда я приехал к себе в гостиницу, я отменил полет во Франкфурт Аэрофлотом и заказал Пан-Американ.

Наше пребывание в Сочи — это другая история. Гостиница там напоминала курорт в Акапулько с теннисными кортами, волейбольными и баскетбольными площадками, закрытыми и открытыми бассейнами, кегельбанами, полями для гольфа.

В поисках яркой обложки для нашего материала мы забрели в пышно цветущий сочинский сад. Мы нашли замечательный фонтан с орнаментом в виде лебедей и сделали его водяным фоном на фотографиях для одной нашей девушки.

Одетая в легкую, прозрачную рубашку, она встала под струи, быстро намокла и приобрела вид, предпочтительный для «Плейбоя». Не забывайте, что мы находились в центре главного сочинского парка средь бела дня. Рука об руку шли влюбленные, няньки вели маленьких детей, пожилые пары сидели на скамейках и смотрели на Сащин цирк. Экскурсовод рассказывал группе туристов что-то интересное о фонтане. Но, как и на Красной площади, никто не задал вопроса, какого черта мы снимаем голую женщину в фонтане.

Подобный трюк мы провели и в нашей гостинице. Больше двух часов мы фотографировали трех полуобнаженных девушек входящими и выходящими из бассейна, съезжающими в него с горки, плещущимися в воде. Обслуга смотрела на нас, широко открыв глаза, но никто даже из администрации нам ни слова не сказал. Попробовали бы мы то же самое в «Беверли Хиллз Отеле»!

Этому может быть только одно объяснение. Советские люди уверены, что на съемки у нас есть разрешение или же мы большие шишки и не отвечаем перед местными властями. Так что, «Плейбой», держи голову прямо, не обращай ни на кого внимания — и все становится возможным. Мы так и делали.

За десять дней пребывания в Советском Союзе я столкнулся с поразившими меня вещами. Нигде еще я не встречал таких тугодумов и упрямцев, и нигде не видел я столько добрых и великодушных людей. Приведу два примера.

В самом начале поездки я как-то сидел в ресторане и ждал Сашу. Я попросил официанта принести стакан воды. Он принес теплую. «Нельзя ли льда?» — поинтересовался я, используя русско-английский разговорник. Он ответил, что сломалась машина для приготовления льда. Вскоре появился Саша и также попросил воды со льдом. Официант покачал головой и отправился на кухню. Саша поднялся и последовал за ним. Через несколько минут оба вернулись. Официант расплылся в улыбке: «Починили машину, сэр!»

Как-то ко мне подошел член нашей группы и попросил ему помочь. Кажется, у него была подруга, которая уже десять лет учила английский. Он спросил, нельзя ли ей прийти попрактиковаться. Я согласился, и на следующий день мне представили очаровательную женщину, извинявшуюся за свой английский, который был в десять раз лучше, чем у какой-нибудь школьной учительницы из Чикаго. Мы проговорили с час, и она, сердечно поблагодарив, ушла.

Через несколько дней мне сказали, что та женщина пришла опять. Она принесла маленький сверток. Внутри оказалась прелестная коробочка, расписанная вручную. Она настаивала на том, чтобы я взял коробочку домой в подарок жене. Я был поражен и глубоко тронут тем, как женщина отблагодарила меня за час приятной болтовни.

Отснявшись и собираясь домой, я решил, что мой багаж будет совсем легким. Но приехал Саша и привез сумки и коробки, полные сувениров, так что мои чемоданы оказались набитыми расписными куклами, советскими плакатами, офицерскими шарфами и меховыми шапками, значками с портретами Ленина, флагами, майками, старыми литографиями и водкой.

Как и в день прилета, больше всего меня заботила таможня. Только теперь я беспокоился не о лифчиках и туфельках, а о десяти коробках пленки со снимками советских ню.

Как же мне это спрятать? После тяжелых раздумий я остановился на журнале «Тайм» от 10 апреля 1989 года — специальном выпуске об СССР. Пленку я спрятал между страницами, и получилась обнаженная Россия, переложенная новым Союзом Советов. Наверное, теперь КГБ приготовит тепленькое местечко в Сибири любому иностранцу, который после меня попытается вывезти такую фотопродукцию. Но разве я нанес удар по советско-американскому взаимопониманию? Гласность навсегда!

Перевела Д. БУХАЛЕВА.

Милован ВИТЕЗОВИЧ (Югославия)

РАЗНОШЕРСТНЫЕ МЫСЛИ

«Выше голову!» — сказал палач своей жертве.

Это не сумасшедший дом, это конгресс психиатров.

Я знаю, откуда дует ветер, но погоду предсказывать не буду.

Собрал и перевел Игорь ХОМИЛИН.

●

Поэт.— Вчера ночью воры ворвались ко мне в квартиру.

Полисмен.— И что произошло?

Поэт.— Они обыскали все комнаты, положили 5 долларов на мой письменный стол и ушли.

●

— Что вас больше всего беспокоит?

— Деньги!

— А я не знал, что они у вас есть.

●

Полицейский пристально вглядывается в прохожего и бормочет:

— Все совпадает: длинный нос, родинка на правой щеке, оттопыренные уши... Да, объявленное вознаграждение могло бы стать моим, если бы преступник уже не был схвачен...

●

Зубной врач, перевязывая палец, выходит из кабинета и говорит матери маленького пациента:

— Я ему только что поставил пломбу. Не позволяйте ему кусать никого другого по крайней мере еще полтора часа!

●

— Джон, что, по-вашему, означает улица с односторонним движением?

— Это такая улица, где в твою машину могут врезаться только сзади...

●

— Завтра моя молодая жена начинает свой медовый месяц.

— Что, в одиночестве?

— Так я же диабетик...

●

— Сынок, принеси-ка мне пять тарелок с кухни.

— Зачем, мама?

— Мне надо кое о чем поговорить с папой...

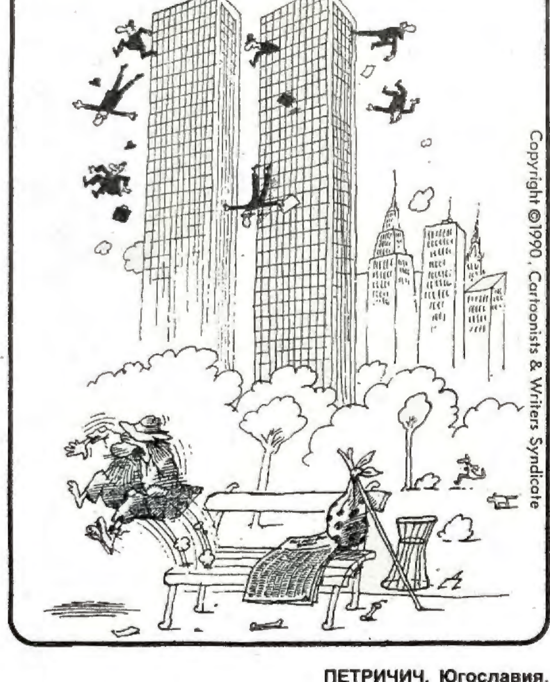
●

Два гурмана делятся своими пристрастиями:

— Что тебе больше всего нравится из пищи?

— Ужин с чужой женой...

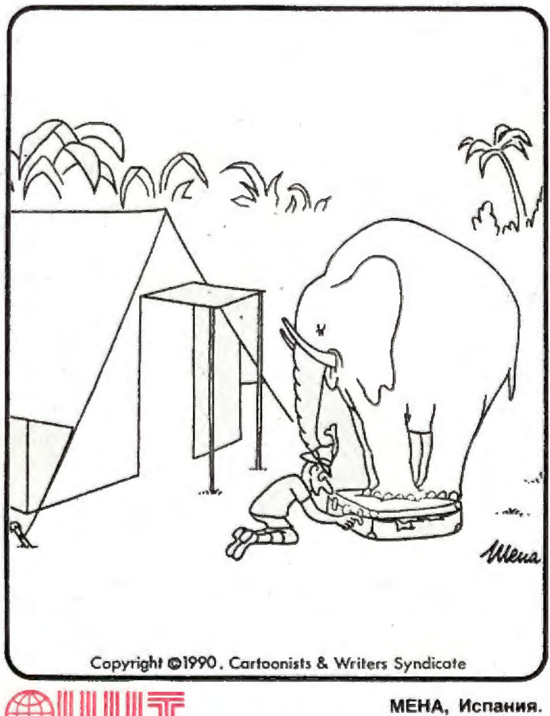
●

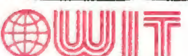

ПЕТРИЧИЧ, Югославия.

КУИНО, Аргентина.

МЕНА, Испания.

БА! ЗНАКОМЫЕ ВСЁ ЛИЦА!..

ЗАЗДРАВНОЕ, ЮБИЛЕЙНОЕ!

Мужчины — не все, правда,— любят справлять юбилеи. Зато женщины отмечают исключительно даты творчества. Мария Владимировна Миронова — исключение из общего правила. Возраст свой не скрывает по принципу «Мои года — мое богатство!». Может быть, все объясняется тем, что она никогда не играла на сцене образы женщин, которые были бы моложе ее в жизни?! Так или иначе, но 7 января 1991 года Мироновой исполняется 80 лет, и тайны из этого она не собирается устраивать — вне зависимости от того, будет ли официальный юбилей или нет.

На сцене Миронова с 1927 года, на эстраде с 1928-го. Окончив театральный техникум в Москве, начала трудиться в оперетте, затем перешла в знаменитый МХАТ-2; позже блистала в Театре мюзик-холл, пока его не закрыли. А в 1938 году получила приглашение от вновь организованного Театра эстрады и миниатюр, где играла до 1946 года. Именно здесь она познакомилась со своим будущим мужем и партнером Александром Семеновичем Менакером, а 8 марта 1941 года, с трудом доиграв спектакль, родила единственного сына Андрея Миронова.

В первые послевоенные годы Миронова и Менакер работали на эстраде, выступали в сборных концертах, театрализованных программах сада «Эрмитаж», а параллельно готовили свой первый самостоятельный спектакль «Говорящие письма», положивший начало Театру двух актеров. Позже здесь появятся еще восемь других.

Для Театра двух актеров писали М. Зощенко, Б. Ласкин, В. Поляков, Л. Ленч, В. Дыховичный, М. Слободской, В. Масс, А. Володин, Л. Зорин, Г. Горин, Н. Ильина; сочиняли музыку Н. Богословский, М. Блантер, Я. Френкель; придумывали оформление О. Верейский, Б. Ефимов, Л. Збарский, Б. Мессерер; ставили спектакли Б. Петкер, Д. Тункель, А. Шатрин, Б. Львов-Анохин.

Так уж вышло, что последнее представление Театра двух актеров состоялось в октябре 1981 года в Ленинграде: болезнь Менакера помешала продолжить гастроли. А в марте 1982 года Александра Семеновича не стало. Через год Мария Владимировна начала принимать участие в творческих вечерах Андрея Миронова, он даже думал о новой специальной программе, но...

Мария МИРОНОВА

Работать на эстраде очень сложно,
И нелегка Мироновой стезя:
Она старалась сделать все, что можно,
Когда в сатире было все нельзя!

А. СИВИЦКИЙ, Ю. ТИМЯНСКИЙ.

Шарж И. ЛОСОСИНОВА.

После смерти Андрея Мария Владимировна не могла уже больше выходить на эстраду.

— В театре актер сразу же появляется в образе. На эстраде до этого момента проходит вечность: ведь надо дойти до середины сцены, ответить на приветствия зрителей и лишь затем открыть рот и начать действовать. После того, что за пять лет я потеряла мужа и сына, пространство эстрады оказалось для меня непреодолимым...

Но вот в 1989 году Олег Табаков предложил Мироновой центральную роль в пьесе Александра Буравского «Учитель русского». Спектакль ставил молодой режиссер Евгений Каменькович. Успех превзошел все ожидания. Спустя полвека, вернувшись на драматическую сцену, Мария Владимировна продемонстрировала поразительное мастерство, тонкость письма, редкостное нынче чувство партнерства.

(Заметим в скобках, что и в прежние времена Миронова играла не только наглых, самоуверенных особ — жен ответственных и полуответственных работников, хищниц разного масштаба. Среди ее героинь встречались и скромные женщины, трудолюбивые, честные. Но так уж устроено наше зрительское восприятие: мы лучше запоминаем то, что бросается в глаза. Вот почему и Фаина Раневская ассоциируется у многих прежде всего с фразой: «Муля, не нервируй меня!», а Миронова — с другой, не менее «крылатой»: «Зачем ты привел меня на этот пароход?!» И ничего с этим сделать нельзя.)

Встреча М. Мироновой со Студией под руководством О. Табакова из эпизода, кажется, способна превратиться в устойчивое творческое содружество. Во всяком случае, обе стороны к этому стремятся. Так что, кто знает, может быть, пока заметка эта попадет к читателю, состоится еще одна премьера, и мы увидим Марию Владимировну в новой роли. Ну, а даже если премьера не поспеет к юбилею, любому человеку важно знать, что он будет делать завтра. Особенно актерам. И не надо заглядывать в паспорта, лучше смотреть им в глаза и ждать, что еще они хотят нам сказать, чем порадуют в ближайшее время.

А пока от имени всех, кто свыше шести десятилетий имел счастье видеть Марию Владимировну на сцене, Крокодил поздравляет свою коллегу по сатирическому цеху со славным юбилеем и желает крепкого здоровья, новых интересных ролей и, следовательно, новых радостных встреч со зрителями!

Б. ПОЮРОВСКИЙ.

КВК «НОВОГОДНИЙ»

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 2. Захребетник Деда Мороза. 4. Переходящая надежда экономики в новом году. 7. Морозное художество *(оконн.)*. 8. Патриотический напиток. 9. Особа, которая кричит каждый год поновому. 10. Солнечный процесс, предшествующий новогодней ночи. 11. Хозяйка 1984 и 1996 годов. 12. Макси-пирожное. 13. Тара, с которой Диоген встречал Новый год. 15. Карнавальная наличница. 17. Ледовое питье. 18. Дедморозовский прикид. 20. Санная подкова. 22. Жизненная пора Снегурочки. 23. Предприятие для скоростного поздравления с Новым годом. 24. Зафевральщик *(календ.)*. 25. Опорная четвертинка стола. 26. Рядовая прическа к празднику.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Дрожащая закуска. 2. Зимний ударник. 3. Строительница глазок в гостях. 4. Трус, который зимой и летом одним цветом. 5. Еловая гостиная. 6. Принцип отбора королевы новогоднего бала. 14. Рогоносец, укравший месяц в ночь перед Рождеством. 16. Новогодний гостесборник. 17. Супермороз. 18. Средство аппаратного поздравления с Новым годом. 19. Низкорослая метелица. 20 Хвойный заменитель. 21. Заведение, где встречают Новый год по-зверски.

Б. ВАСИЛЬЕВ.

ОТВЕТЫ НА ЧАЙНВОРД, ОПУБЛИКОВАННЫЙ В № 36

1. Голосование. 2. Ельцин. 3. Нева. 4. Армия. 5. Явка. 6. Астролог. 7. Голод. 8. Депутат. 9. ТАСС. 10. Серп. 11. Приступ. 12. Пятьсот. 13. Трибуна. 14. Архив. 15. Вода. 16. «АИФ». 17. Федоров. 18. Воровство. 19. Округ. 20. Гавриил. 21. Ладоши. 22. Иностранец. 23. Цель.

ВОТ ЭТО ДА!

ПРИГЛАШАЕМ НА РАБОТУ!

Вы хотели бы попробовать свои силы в предпринимательстве, но не знаете, с чего начать? Сотрудничайте с нами!
Выгодно реализовать свои деловые качества, найти применение вашей инициативе и предприимчивости вы сможете, работая с производственным кооперативом «Астра», выполняя на договорных условиях поручения кооператива по месту своего жительства.

Ваша зарплата не ограничена и зависит только от вас.

Заявки отправляйте по адресу: 333034, г. Симферополь-34, а/я 1033, кооператив «Астра».

Крокодил предлагает свои страницы для рекламы любых товаров и услуг, любой промышленной и бытовой продукции, для любой деловой информации.

Справки об условиях публикации по телефону: 212-13-59.

75 коп. Индекс 70448.

С. БОГАЧЕВ,
Ю. СТЕПАНОВ (тема).

НЕОЖИДАННЫЕ ВСТРЕЧИ

